

Бритта Рёстлунд

У ПОДНОЖИЯ МОНМАРТРА

Непредсказуемая
захватывающая история
о случайной встрече,
способной изменить жизнь.
Восхитительная книга!

goodreads.com

Бритта Рёстлунд

У подножия Монмартра

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)

Рёстлунд Б.

У подножия Монмартра / Б. Рёстлунд — «Центрполиграф», 2016

ISBN 978-5-227-07794-3

Журналистка Хелена Фоласаду, конечно, должна была сказать «нет», когда незнакомец в кафе спросил, не месье ли Белливье она ждет. Но творческий застой и природная авантюрная жилка заставили ее сказать «да». Так она получила высокооплачиваемую и весьма странную работу, вызывающую ощущение причастности к тайне. Выходец из Туниса Мансебо, владелец маленького магазинчика в окрестностях Монмартра, ведет размеренную жизнь. Но однажды к нему обращается соседка из дома напротив и предлагает проследить за ее неверным мужем. К своему удивлению, Мансебо соглашается. Хелена и Мансебо прежде никогда не встречались, но их миссии пересекутся самым удивительным образом. И как только это произойдет, станет ясно, что кафе и улочки Парижа хранят куда больше секретов, чем можно было бы предположить...

УДК 821.113.6

ББК 84(4Шве)

ISBN 978-5-227-07794-3

© Рёстлунд Б., 2016
© Центрполиграф, 2016

Бритта Рёстлунд

У подножия Монмартра

Роман

© Britta Röstlund 2016

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление «Центрполиграф», 2018

* * *

В Париже, в доме 73 по бульвару Батиньоль, расположена маленькая бакалейная лавка. Англоговорящие туристы обычно называют такие магазинчики «арабскими лавками». Такое название ничего не говорит о хозяине этого магазина на бульваре Батиньоль, да и сам он не привык так говорить о ней. Правда, и туристов на бульваре бывает мало. Большая их часть бродит по Елисейским Полям, вокруг Лувра, Эйфелевой башни или Триумфальной арки.

Те, кто хотят увидеть «правильный» Париж, идут, например, в Шато-Руж или находят в себе мужество отойти немного в сторону от входов в метро. Печальная же правда заключается в том, что все это не имеет отношения к настоящему, правильному Парижу. У этого города расколотая психика. Лучший способ познать Париж – это посмотреть на него со скамеек. Сидя на них, можно изучать, как миллионы людей находят себе место под солнцем.

Одним из тех, кто именно так каждый день открывает для себя Париж, был Мансебо, охотно сидевший на скамеечке перед входом в свою бакалейную лавку на бульваре Батиньоль, дом семьдесят три.

Главным отличием парижских лавок такого рода можно считать то, что они торгуют, помимо прочего, пряностями и специями из бывших французских колоний в Северной Африке, что цены в них выше обычных под предлогом первой свежести товара. Для туриста это экзотика – разве что купить там пряности для пикника с бутылкой вина, тайком пронесенной в гостиничный номер. Для парижан это своеобразная визитная карточка города, которая к тому же часто спасает при необходимости. В бакалейных лавках есть что-то умиротворяющее. Работающие там люди часто принадлежат к известным и уважаемым в квартале семействам и вносят нотку интимности в анонимность большого города.

Мансебо и сам едва ли осознает, что, сидя у входа в свой магазин, он каждый день изучает Париж. То, что происходит на улице, он впитывает подсознательно. Эти наблюдения может прервать только еда. Первый раз это происходит во время обеда. Обед готовит его жена Фатима на втором этаже, в жилых комнатах. Но прежде чем Мансебо успевает собрать соус со дна фарфоровой тарелки, как снег на голову является его кузен Тарик. Он работает неподалеку, собственно на противоположной стороне бульвара, где держит сапожную мастерскую, которую каждый день клятвенно обещает закрыть, продать и переехать в Саудовскую Аравию, чтобы основать там парашютную школу.

Тарик ничего не понимает в прыжках с парашютом, но ровно пять лет назад в его мастерскую уверенно вошел человек, чтобы починить башмак, у которого отвалился каблук. Пока подсыхал клей, они разговорились, и клиент поведал Тарику, что незадолго до этого продал свою консультативную фирму в Париже и переехал в Иорданию, где открыл школу по прыжкам на батуте. Так случилось, что в тот же день в мастерскую заглянул молодой человек и рассказал, что они с женой перебрались в Дубай. В Париже они влачили трудную жизнь работяг, а в Дубае живут как короли. Прошло довольно много времени, прежде чем у Тарика возникла

идея открыть школу парашютного спорта в Саудовской Аравии. «Саудовцы задыхаются и хотят воспарить в небо», – любил повторять Тарик.

Он был убежден, что носящие тюрбаны и драгоценные украшения люди никогда не смогут обрести спасение, если не начнут учиться прыгать с парашютом. Тарик был уверен, что, пока течет нефть, саудовцы будут платить за все. Он уже начал брать в библиотеке книги о Саудовской Аравии. Фатима рассудительно заметила на это, что Тарику следовало бы сначала усовершенствоваться в парашютном спорте.

Тарик относится к Парижу не так, как Мансебо. Тарик любит сидеть в мастерской и курить в каптерке. Мансебо же может насладиться всего лишь одной сигаретой в день. Впрочем, ему хватает нескольких затяжек. Фатима разрешила ему курить только после ужина. «Разве можно, чтобы в продуктовом магазине пахло табаком и дымом?» – не раз говорила она.

Еще она твердила, что у нее аллергия на сигаретный дым, и запретила Мансебо курить дома. Он в принципе не боится жену, во всяком случае, когда все идет как должно. Пока Мансебо работает – а это бывает семь дней в неделю, Фатима находится дома. В точности он не знает, что она там, собственно, делает, но не осмеливается спрашивать. Во всяком случае, еду она готовит исправно – на столе всегда есть обед.

Тарик и Мансебо работают неподалеку друг от друга, а живут практически вместе. Тарик и его жена Адель занимают квартиру над бакалейным магазином, а Мансебо, Фатима и их сын Амир – ту, что над ней. Если бы Мансебо мог выбрать, он поменялся бы с Тариком. Это было бы куда более естественно – каждый день спускаться всего на один марш вниз, чтобы открыть магазин, а потом, вечером, подняться всего на один марш после закрытия. Но Фатима была против. Она говорила: «Это единственная для тебя возможность хоть немного двигаться».

Несколько лет назад, когда у Мансебо было куда больше сил и энергии, он убеждал жену, приводя все доступные ему аргументы, поменяться квартирами с Тариком. Во-первых, и это самое главное, он намного старше Тарика, и пройдет не так уж много лет до того, как эти лестницы станут для него невыносимой пыткой. Во-вторых, он встает раньше всех и, спускаясь по лестнице, будит Тарика и его жену. В-третьих, Фатима могла бы готовить еду на втором этаже, там лучше плита.

Все это было ясно как белый день; все доводы в пользу Мансебо – его семья должна жить на втором этаже. Он тщательно подбирал аргументы и выкладывал их за отлично прожаренным цыпленком. Но его планы и проекты не находили ни у кого поддержки, даже у собственной супруги, что, по его мнению, было странно. Но она потешалась над его чудачеством и спрашивала, не хочет ли он собрать подписи в свою поддержку среди соседей по кварталу. Тарик, как всегда, смеялся, Адель, как обычно, отмалчивалась, а Амир вообще не прислушивался ко всей этой декламации. Но теперь у Мансебо нет ни времени, ни энергии на споры об обмене квартиры.

Если кто-нибудь спрашивал Мансебо о месте его работы, он отвечал, что трудится в сфере услуг. Если же этот человек желал знать подробности, то Мансебо говорил, что он владелец бакалейного магазина. Все это правда. Если же спрашивали, где находится его магазин, то Мансебо отвечал, что он находится у подножия Монмартра. Вот с этим можно было поспорить.

Мансебо нравилась сама мысль, что он живет и работает у подножия белой, как сахарная голова, церкви Сакре-Кёр. Кроме того, такой ответ заставлял многих поверить в то, что Мансебо и его крошечный магазинчик можно найти у такого же крошечного рынка Парви-де-Сакре-Кёр, или, может быть, его лавка стиснута бесчисленными домами в одном из переулков Монмартра. Понятно, что с бульвара Батиньоль при желании можно разглядеть высокую церковь на Монмартре, купол которой возвышается над выводком домов.

Фатима считает, что ее муж ведет себя как малое дитя, говоря всем, что его лавка находится у подножия Монмартра, и каждый раз фыркает, когда слышит это. Иногда она нашеп-

тывает ему это на ухо, и всякий раз Мансебо отвечает, что мало кому известно, насколько продолжительно подножие Монмартра. И это святая правда.

Повседневная жизнь Мансебо управляется запахами и видами города и его обитателей, поэтому часы ему не нужны. Однако будильник у него есть, и этот будильник звонит ежедневно, ровно в пять часов. В четверть шестого он уже сидит за рулем своего белого пикапа и едет на юг, в Рунжи, чтобы закупить свежие овощи и фрукты. В начале девятого он снова в Париже, а через несколько минут заходит к Франсуа, в бар «Ле-Солейль», побаловать себя, вместо завтрака, чашкой эспresso. Мастерская двоюродного брата, бар «Ле-Солейль» вместе с магазином Мансебо образуют в квартале треугольник. «Золотой треугольник», – подшучивает Франсуа, намекая на знаменитый золотой треугольник, образованный тремя фешенебельными кафе: «Кафе-де-Флор», «Ле-Дё-Маго», и «Брассери-Липп». «Бермудский треугольник», всякий раз небрежно роняет Тарик, но ни Франсуа, ни Мансебо не понимают, что он хочет этим сказать.

В девять часов Мансебо поднимает решетки окон, и лавка начинает дышать парижским воздухом. Он работает до тех пор, пока не учует запах обеда. Тогда он опускает решетку и поднимается наверх обедать. Мансебо плотно ест, но аппетит меняется в зависимости от блюд и тем, обговоренных за столом. Потом Мансебо снова спускается на первый этаж и поднимает решетку, второй раз за день открывая лавку. Во второй половине дня Мансебо опускает решетку и идет к Франсуа, в «Ле-Солейль», выпить с Тариком по рюмке анисового ликера. Потом возвращается в лавку и работает до ужина, когда аромат еды снова тяжело повисает в доме. Это происходит около девяти вечера, и Мансебо окончательно опускает решетку – до следующего утра.

Вот и еще один день прошел. Мансебо еще раз впитал в себя Париж со своего крыльца. Как обычно, он пересчитывает дневную выручку, перетягивает пачки купюр резинками и кладет деньги в пластиковый мешок. Их надо отнести в банк. С верхнего этажа, сквозь дверь, словно через полуоткрытый рот, в лавку проникает соблазнительный запах из полной кастрюли на третьем этаже.

Все выглядит так, словно запах пищи за много лет отыскал свой собственный путь с кухни квартиры в холл, оттуда сквозь дверь на лестницу, чтобы затем, по коридорам и лестничным клеткам просочиться в лавку. Это ароматное дуновение подсказывало Мансебо, что пора опустить жалюзи, а это, в свою очередь, служило сигналом Тарику, что пора закрывать мастерскую на перерыв или на ночь. Аромат еды был путеводной нитью, ведущей к обеденному столу.

По утрам, когда Мансебо открывает лавку, запах вчерашнего дня еще чувствуется в ней, но недолго, всего лишь несколько минут, или ровно столько времени, сколько требуется Мансебо, чтобы разложить фрукты и овощи. После этого запах смешивается с более или менее свежим утренним парижским воздухом.

Мансебо заканчивает подсчет выручки. День был не слишком удачным. Жара укачала город, разморила его, но, похоже, погода скоро испортится. Он запирает зеленые дверцы лотков с овощами. Это сигнал Тарику. Мансебо тянется за маленькой черной шапочкой, которую носит уже много лет. Без шапочки он чувствует себя голым. Все равно как если бы Адель вышла на люди без платка. Он вспоминает, что днем они как раз обсуждали сходство между его шапочкой и ее платком. Головные уборы стали частью существа обоих.

Фатима считает, что ни в шапочке Мансебо, ни в платке Адели нет никакого смысла. Сама она никогда не надевает платок, разве только в путешествиях, если в этом возникает надобность. Фатима злится на Адель за то, что та не помогает ей по хозяйству, и говорит, что те, кто носит платок, целыми днями сидят и слушают радио. Собственно, Адель так и поступает, если не считать чтения. Она может просто не делать ничего другого под тем предлогом, что у нее от рождения болит спина – как она утверждает. Фатима уверена, что эта болезнь спины

мешает Адели рожать детей. Не сама, конечно, болезнь, а невозможность принять положение для «деторождения», как называет это Фатима.

Мансебо закатывает внутрь лотки с фруктами и овощами, чтобы Тарик скорее закрывал свою мастерскую, не дожидаясь, пока Мансебо начнет колотить в его дверь. Собственно, Тарику всего-то дел – запереть дверь мастерской. Иногда, впрочем, мастерская бывает некоторое время закрыта после рюмки ликера в «Ле-Солейль». Сам Тарик все время сидит в своей каптерке, в задней комнате мастерской. Зато он никогда не покидает мастерскую до еды. «Что прикажете мне делать наверху среди этих несносных баб?» – говорит он обычно. Мансебо точно не знает, что делает Тарик в каптерке, когда рано закрывает мастерскую. Сам Тарик утверждал, что у него масса финансовых дел. Но на самом деле он сидит без дела, читает газеты и курит. Мансебо все видит из своей лавки.

В магазин входит дама среднего возраста, и Мансебо приветливо с ней здоровается. Мансебо знает эту женщину. Она часто покупает у него что-нибудь к ужину. Вообще-то она делает большие покупки в другом месте, а к Мансебо заглядывает только в тех случаях, когда забывает что-то купить днем. Сегодня она покупает соленое печенье и бутылку кока-колы. Женщина расплачивается, Мансебо желает ей приятного вечера и провожает до двери. Женщина уходит, но тотчас появляется Тарик, хлопает кузена по плечу, открывает дверь на лестницу и исчезает наверху.

Это был абсолютно обычный день. День, начавшийся точно так же, как все остальные дни, продолжавшийся, как все остальные дни, и Мансебо уверен, что, как и следовало ожидать, закончится он точно так же, как и другие дни в чередѣ дней. Правда, на самом деле Мансебо сейчас ни о чем не думает. День только тогда может стать необычным, когда обычным останется время, в которое этот день вплетется. Фактически же Мансебо сейчас не думает ни о чем, кроме еды.

Возможно, Фатима права, когда говорит, что чем ближе к вечеру продвигается день, тем сильнее работает у Мансебо мозг пресмыкающегося. По утрам он был бодр и свеж, ехал в Рунжи, подсчитывал в уме, сколько разного товара ему нужно, в течение дня он должен был обслуживать самых разных людей, но чем ближе клонился день к вечеру, тем пассивнее становился Мансебо. Сигналом к такому замедлению темпа служил ликер в «Ле-Солейль». День после этого близился к завершению, и чем ближе становился этот момент, тем сильнее охватывали его мысли об ужине и сигарете.

Решетка на окне опущена, Мансебо тщательно запирает лавку. Гасит свет и поднимается по лестнице.

– Хей, хей! – покрикивает он, словно оповещая всех о своем скором появлении.

Фатима, покачнувшись, крепко ухватывает оранжевый горшок, а Тарик высасывает свою шестнадцатую сигарету за день, одновременно жалуясь, что у него весь день не было времени покурить в свое удовольствие.

– Ты слышишь?! – восклицает Фатима. – У Тарика весь день не было времени покурить. Она смеется и пробует варево из горшка.

– Привет, бедняга, – приветствует Мансебо Тарика, с притворной свирепостью треплет по голове сына Амира и нежно целует Фатиму в щеку. Во всех трех действиях видна непритворная, искренняя любовь.

Жара в комнате стоит невыносимая. Адель, кажется, страдает от жары меньше всех, несмотря на то что платок покрывает ее волосы, да еще и часть лица. Низенький стол накрыт, все садятся на ковры; все, кроме Фатимы, которая продолжает хлопотать у плиты. Тарик поднимает руку и делает такой жест, словно командует собаке «место!», и Фатима тотчас, словно

ожидала команды, садится к столу. Все с жадностью принимаются за еду. Тарик тушит сигарету, Адель откидывает с лица платок.

– Можно умереть от пассивного курения, – ворчит Мансебо, больше для того, чтобы польстить Фатиме.

Все, как обычно, хвалят кулинарное искусство Фатимы, кроме Адели, которая весь вечер необычно молчалива. Это очень не нравится Тарику.

Адель внезапно вздрагивает, обводит стол тревожным взглядом и спрашивает:

– Вы ничего не слышали?

Фатима качает головой так энергично, что вздрагивает двойной подбородок, а затем принимается указательным пальцем собирать соус со дна тарелки. Звонит мобильный телефон Амира, и Фатима жестом показывает ему, чтобы он вышел из-за стола поговорить.

– Расслабься, солнышко, это звонил мобильный, – пытается успокоить жену Тарик.

– Нет, это было раньше, как будто кто-то стучал... колотил в дверь.

Она не успевает ничего добавить, потому что все слышат какой-то звук. Всем становится ясно, что кто-то из всех сил, сквозь решетку, стучит в дверь лавки. Тарик встает, закуривает следующую сигарету и выглядывает в окно. На улице моросит мелкий дождь, и на бульваре пусто.

– Я никого не вижу, но понятно, что внизу кто-то есть.

Снова раздается сильный стук. Мансебо, не говоря ни слова, надевает свою черную шапочку и торопливо спускается по лестнице. Собственно, он не думает о том, кто это может быть, даже не хочет гадать. Он слишком устал для того, чтобы думать. В принципе он сейчас спускается вниз только для того, чтобы потом вернуться наверх, покончить с ужином, успокоиться, расслабиться, покурить и лечь спать.

У входа в лавку стоит какая-то женщина. После того как Мансебо отпирает дверь и поднимает решетку, женщина буквально врывается в лавку. «Хлеб закончится, когда я вернусь» – это единственное, о чем сейчас думает Мансебо. Одновременно он понимает, что его выживание зависит от качества обслуживания клиентов в лавке, и ради этого можно пойти и на гибкий график работы. Иначе все клиенты переметнутся в «Монопри» или в близлежащий «Франпри». Многие из его товаров продаются там в два раза дешевле. Однако это не отменяет того факта, что к моменту его возвращения наверх хлеб, как бог свят, закончится. Женщина оглядывается с таким видом, словно ее страшно удивило, что она вдруг оказалась в мини-маркете. Она улыбается. Мансебо не отвечает ей улыбкой. Женщина улыбается еще раз, и Мансебо, на этот раз, улыбается тоже.

– Чем могу быть вам полезен, мадам?

Женщина снова осматривается, словно не вполне понимает, где находится; как будто кто-то натянул ей на глаза повязку. Она снова улыбается, но Мансебо не позволяет себе реагировать на ее улыбку. Он вдруг ощущает непомерную усталость и думает о том, что ему очень не хватает чая и сладкого торта.

Женщина вдруг начинает живо интересоваться товарами, словно поняв, что терпение Мансебо не безгранично. Она буквально мечется по лавке – лучшего слова Мансебо подобрать не может. Он чешет затылок под шапочкой и демонстративно зевает. Женщина останавливается, но на этот раз не улыбается, серьезно смотрит на Мансебо, быстро берет с полки банку оливок и идет к кассе. Она ставит банку на прилавок и поднимает ее вверх, словно желая показать, что именно нашла, и ожидая, что Мансебо сейчас удивленно воскликнет: «Я и не знал, что здесь есть такие вещи!» Однако Мансебо не удивляется, и тогда женщина, приподняв банку еще на несколько сантиметров, ставит ее на прилавок.

– Что-то еще? – не скрывая усталости и раздражения, спрашивает Мансебо.

Он никак не может вспомнить, где видел эту женщину. Она в третий раз поднимает банку оливок над прилавком, таинственно усмехается, словно хочет заставить Мансебо что-

то понять, снова ставит банку на прилавок и через окно смотрит на улицу. Затем она расплачивается, благодарит и выходит из лавки. Мансебо, второй раз за вечер, опускает решетку и запирает дверь, а затем поднимается по лестнице, недоуменно качая головой.

– Это оказалась какая-то чокнутая тетка, – пыхтя, сказал Мансебо, второй раз за вечер поднявшись по лестнице.

– Я когда-то сказал, – вставляет слово Тарик, – что всех парижан надо запиравать на ночь и выпускать только под утро, тогда ночью в этом миллионном городе никого не останется.

Фатима смеется и знаком показывает Мансебо, что сберегла для него немного хлеба. Он вгрызается в теплую питу, и в ту же секунду кто-то снова начинает барабанить в дверь. За столом все переглядываются. Они не ослышались? Фатима хмурит брови и уходит на кухню.

Стук в дверь на этот раз еще громче и отчаяннее, чем в первый раз, но Мансебо продолжает сидеть и невозмутимо есть свой хлеб. Когда грохот раздается в третий раз, все смотрят на Мансебо, давая ему понять, что он, и никто другой, должен что-то сделать. Мансебо берет в одну руку хлеб и, не меняясь в лице, решительно направляется вниз по ступеням, от души надеясь не увидеть ничего нового. На середине лестницы он замечает, что забыл надеть свою черную шапочку. Он ни за что на свете не мог допустить, чтобы какой-нибудь незнакомец увидел его без головного убора, и поэтому поворачивает назад и слышит оживленный разговор. Долгое молчание в этом доме большая редкость. Адель бросает рассеянный взгляд на Мансебо, но остальные его не замечают.

Мансебо зажигает лампу над кассой и, щурясь, смотрит на дверь и решетку, но ничего там не видит и начинает сомневаться в том, что кто-то на самом деле только что стучал в дверь. Он несколько секунд барабанит пальцами по дверному косяку, ожидая, что произойдет дальше. Потом перестает барабанить и начинает прислушиваться – не услышит ли он какой-нибудь звук. Но он не слышит ничего, кроме тишины и шелеста мелкого дождя.

Мансебо зевает и гасит свет. Прошло довольно много времени, и Мансебо почти начисто забыл, что он делает здесь внизу, в лавке. Но в ту секунду, когда он уже пустился в обратный путь, в дверь снова сильно застучали – на этот раз так громко, словно стучавший бил в дверь не рукой, а каким-то тяжелым предметом. Вот дьявольщина, думает Мансебо, снова зажигает свет и решительно, но и одновременно не без опаски, вспомнив, что говорил Тарик о всяких сумасшедших, болтающихся по Парижу, подходит к двери. Теперь он видит, что это та же самая женщина, которая всего несколько минут назад покупала у него оливки. Улыбка говорит о том, что она сама сознает неловкость положения, но у нее нет иного выбора.

Капли дождя бьют Мансебо по пальцам, когда он открывает дверь. Решетку он, из предосторожности, не поднимает и смотрит на стоящую под дождем женщину в длинном черном плаще и черных туфлях. Мокрые волосы выглядят почти черными, и на их фоне лицо выделяется неестественно светлым пятном. Она высоко поднимает банку с оливками, как будто один ее вид должен заставить Мансебо поднять решетку. Вода лилась в магазин, и Мансебо решил, что пойдет на эту странную встречу хотя бы из светской вежливости.

– Что теперь угодно, мадам? Я чем-то могу вам помочь?

Мансебо был сам удивлен своему терпению. Женщина истерически закивала:

– Да, вы можете мне помочь, месье...

Она помолчала, видимо ожидая, что Мансебо вставит в паузу свое имя, но этого Мансебо не желал делать ни в коем случае.

– Да, вы можете мне помочь, месье, но сначала впустите меня внутрь.

– Магазин закрыт, мадам. То, что вам нужно, не может подождать до утра?

Женщина покачала головой:

– Нет, это не может ждать до утра.

В голосе женщины сквозило отчаяние. Мансебо выглянул на улицу и осмотрелся – нет ли здесь кого-нибудь, кроме странной незнакомки? Однако Мансебо не заметил никого, кроме

нескольких человек, которые вдалеке бежали по бульвару, застигнутые дождем. Женщина судорожным движением подняла банку с оливками, и Мансебо понял, что именно ею она сейчас стучала в дверь. Женщина посмотрела ему прямо в глаза:

– Обещаю вам, месье, надолго я не задержусь.

Мансебо до конца поднимает решетку, и женщина, быстро и грациозно, словно мокрая кошка, проходит в лавку. Сбрасывает с головы капюшон и энергично встряхивает головой. Она улыбается, на этот раз какой-то приятной, уютной улыбкой и осматривается. Казалось, она совершенно забыла о неотложном деле, приведшем ее сюда.

Мансебо буквально физически чувствует, как в воздухе повисает напряжение. Такого чувства он до сих пор никогда не испытывал. Это происшествие ломает его привычную размеренную жизнь; возможно, сейчас произойдет что-то необычное, о чем он потом сможет с гордостью рассказывать. Обычно Тарик приходит с разными веселыми и захватывающими историями. Конечно, все это он читает в Интернете, но тем не менее... Чтобы оправдать свое вечное молчание, Мансебо всегда говорит, что у владельцев сапожных мастерских есть время на всякий вздор, что сапожник – это совсем не то, что хозяин бакалейной лавки.

Дождь закончился сразу, как только женщина вошла в лавку. Можно было подумать, что ее преследуют боги непогоды. Продолжая чувствовать некоторое напряжение, Мансебо не смотрит на женщину в упор, но осторожно разглядывает ее искоса. Женщина смеется и ставит на прилавок уже давно оплаченную банку.

– Чтобы вы не подумали, что я ее украла.

Кажется, что она тянет время, словно ей страшно не хочется снова выходить на бульвар. Может быть, что-то испугало ее на улице? – спрашивает себя Мансебо. Но на улице полно баров и ресторанов; к тому же совсем недалеко «Макдоналдс», а он до сих пор открыт. Лавка Мансебо уже закрыта, и женщина не могла заранее знать, что он услышит стук в дверь или что он спустится открыть ей. Женщина проводит кончиками длинных белых пальцев по ряду банок, словно проверяя, нет ли на них пыли.

– Чем я могу помочь вам, мадам?

Она бросает на Мансебо несколько разочарованный взгляд – словно он немного поторопился с вопросом, как будто она хотела что-то сказать или сделать, прежде чем задать вопрос.

– Можете называть меня Кэт, – почти шепотом произнесла она и протянула руку.

Мансебо машинально пожимает женщине руку и задумывается над ее словами.

– Мадам Кэт?

– Нет, нет, просто Кэт.

– Как... кот?

Она кивает. Мансебо кивает в ответ, чувствуя, что вся эта история с каждой минутой становится интереснее. Он уже не думает о торте и чае.

– Так чем я могу помочь вам... мадам... Кэт?

Женщина внезапно сникает и лихорадочно оглядывается.

– Чем могу быть вам полезен? – повторяет Мансебо.

– Вы – единственный, кто может мне помочь, месье...

– Мансебо.

– Мы можем здесь поговорить? Нам никто не помешает?

Мансебо кивает и горделиво выпрямляет спину. Сейчас он чувствует себя важной персоной. До сих пор ему ни разу не случалось быть единственным, кто мог бы помочь кому бы то ни было. Бывали, конечно, случаи, когда он оказывался единственным, кто мог что-то сделать, если все другие магазины были закрыты, если кому-то надо было срочно купить кое-какие консервы или если кому-то вдруг взбрело в голову запастись провизией для пикника. Но никогда и никто еще не говорил Мансебо, что он – единственный, кто может помочь. Мадам Кэт бросает быстрый взгляд на тротуар.

– Я хочу попросить вас об одной услуге, или, правильнее сказать, я хочу предложить вам работу.

– Но у меня есть работа.

– Именно потому, что у вас есть эта работа, я и хочу предложить вам другую.

Мансебо окидывает мадам Кэт скептическим взглядом.

– Никто не выполнит эту работу лучше, чем вы, месье Мансебо.

Снова полил дождь, и какие-то подростки, взявшись за руки, с радостными воплями пробежали мимо. От этого крика мадам Кэт испуганно вздрагивает.

– Я хочу, чтобы вы последили за моим мужем.

Впервые за все время разговора Мансебо задумывается: не шутка ли это? Он смотрит в глаза мадам Кэт и вдруг понимает, что эта женщина и не думает шутить. Она очень серьезна, насколько может быть серьезной женщина.

– Я должен следить за вашим мужем? Зачем? Я не могу целыми днями бегать за незнакомым мне человеком, у меня просто нет на это времени. Разве вы не видите, что мне есть чем заняться? Каждое утро я встаю в пять часов и еду за товаром, а закрываю лавку почти ночью.

– Именно это мне и нужно, – говорит она. – Вы сами ответили на все свои вопросы. Видите тот дом?

Она вытягивает руку с длинными, все еще мокрыми пальцами в направлении противоположной стороны бульвара. Мансебо смотрит и видит дом, на первом этаже которого находится мастерская Тарика. Дом этот точно такой же, как и тот, в котором они сейчас находятся. В том доме на первом этаже мастерская, а над ней – два этажа, на каждом из которых по одной квартире. Тот дом отличается только тем, что немного выступает вперед за красную линию, а в торце видна пожарная лестница.

– Мы с мужем живем на самом верхнем этаже. Квартира под нами пустует. Я уже довольно давно подозреваю, что муж меня обманывает. Меня часто и подолгу не бывает дома, потому что я много летаю – я стюардесса. Мой муж писатель и работает дома. Он всегда работал дома, но теперь вдруг его привычки резко изменились. Он не так много пишет, как раньше... и моя подруга несколько раз видела его на улице.

– Но что именно заставляет вас подозревать его в обмане?

– Женщины всегда это чувствуют.

Мансебо вдруг ощутил страшную усталость в спине, но мозг его работает живо, чего нельзя сказать о сердце, которое отвыкло быстро гонять кровь по жилам. Он поднял руку, показывая, что сейчас вернется, и прося женщину не уходить, выходит в подсобное помещение и возвращается с двумя скамеечками. Женщина садится и расстегивает плащ. Мансебо расценивает это как признак доверия и испытывает гордость от оказанной ему чести. Да что говорить, он едва не лопается от гордости, как петух, и важно присаживается на вторую скамеечку.

Волосы мадам Кэт подсохли, и Мансебо видит, что на самом деле они темно-каштановые. Невзирая на свой широкий жест, Мансебо пока не думает, что примет предложение Кэт, но он сгорает от желания услышать до конца эту волнующую историю. Каждый день он выслушивает кучу сплетен от соседей по кварталу, но такого он еще никогда не слыхивал.

– Но у вас должны быть более веские доказательства его неверности, нежели то, что его видели на улице, разве не так?

– У меня они есть. Он ведет себя так, как будто у него сильный стресс.

Мадам Кэт умолкает, как будто пытается вспомнить нечто такое, что могло бы изменить все происходящее в последнее время.

– Он приносит домой книги.

– И что? Кажется, вы сами сказали, что он – писатель, так что же странного вы находите в книгах?

– Ну... он пишет детективы и любит их читать, но в последнее время он носит домой самые разные книги. Однажды я даже видела руководство по уходу за фруктовыми деревьями.

– И что с того?

Мадам Кэт окидывает Мансебо недоуменным взглядом:

– Мы живем в городской квартире.

Мансебо становится стыдно за недогадливость. Он, конечно, не самый сообразительный детектив, но разве одно только то, что он перестал писать, значит, что он – неверный муж? Кажется, это называют кризисом творчества, думает Мансебо. Да и вообще, для того, чтобы обвинять человека в измене, надо иметь более веские доказательства. Подумать только, подруга видела его на улице...

– Но как я смогу узнать вашего мужа? – спрашивает Мансебо, чтобы выказать свое здравомыслие.

Мадам Кэт снова бросает на Мансебо недоуменный взгляд:

– В этом доме живем только мы. Муж носит коричневую бейсболку. Я хотела нанять профессионального частного детектива и некоторым из них позвонила. Вы знаете, что в Париже две тысячи тридцать семь частных детективов?

Мансебо качает головой, но принимает информацию к сведению. Ему нравятся такие короткие, но емкие утверждения. Теперь будет чем блеснуть в «Ле-Солейль».

– Но в субботу, когда муж вышел, чтобы купить сигарет, я решила заглянуть в его компьютер, случайно посмотрела в окно и увидела вас, сидящего у дверей магазина на скамеечке. Естественно, я и до этого видела вас тысячу раз, но в тот миг мне пришла в голову хорошая идея. Я поняла, что никто не справится с этим делом лучше вас! Вас никто не заподозрит, потому что вы каждый божий день сидите перед своим магазином с раннего утра до позднего вечера. И мало того, в вашем поведении ровным счетом ничего не изменится.

Мадам Кэт понижает голос и наклоняется к Мансебо:

– Единственное, что мне от вас нужно, – это ежедневный письменный отчет о том, что происходит с утра до вечера. Когда он выходит из дома, когда возвращается. Кто входит в дом. Пишите все, что покажется вам интересным. Вы получите достойное вознаграждение, такое же, как и профессиональный детектив.

Она поднимает с прилавка банку. Мансебо чешет затылок и едва не снимает шапочку, но вовремя спохватывается.

– Деньги я буду получать в банке?

Мадам Кэт кивает:

– Я живу здесь достаточно долго, чтобы знать, что каждый вечер в воскресенье вы выставляете на улицу тару для вывоза мусора, не так ли? Вы будете класть туда пустую банку из-под оливок с еженедельным рапортом, который я буду забирать в понедельник до семи утра. Консервы вам привозят утром во вторник, до того, как вы открываете магазин. Вместе с консервами вы отныне будете получать и банку с вознаграждением.

Мансебо снова чешет затылок.

– Извините, месье Мансебо, но мне нужен ваш ответ. Я очень долго ждала.

* * *

Мне показалось странным, что я не испытала никаких особых чувств, снова оказавшись в этом кафе. Когда я была здесь в последний раз, меня дотошно расспрашивали о разоблачениях касательно банка 'Эйч-эс-би-си', который помогал своим клиентам переводить состояния в Швейцарию, дабы не платить сотни миллионов долларов налогов в своих родных странах.

Я была не единственной, кто расследовал махинации банка. Нас было сто сорок журналистов из сорока пяти стран, но работали мы все поодиночке. В конце концов мне пришлось

трудиться днями и ночами, потому что «Монд» заранее определила сроки публикации. По ходу расследования выяснилось, что банк занимался аферами с торговцами оружием, которые снабжали им наемников в Африке. Масштабы махинаций росли, вместе с ними росло и напряжение нашей работы.

Теперь я вернулась в это до тошноты знакомое кафе, чтобы найти новое задание. Таблетки лежали в сумочке. Так, на всякий случай. Впрочем, я принимала их недостаточно долго для того, чтобы они дали мне обещанное производителем освобождение от всего земного. Все месяцы работы по банку я надеялась на результат, и мне надо было сохранять способность к концентрации внимания. Когда в мире все идет хорошо, работа теряет смысл, а с потерей смысла, рука об руку, приходит неудача.

Конечно, я ощущала предостерегающие сигналы: меня мучила бессонница, я находилась на грани полного изнеможения, но не могла себе позволить ни отойти в сторону, ни проявить равнодушие. Лекарства, которые я принимала, подавляли тревожность и страх. Я ждала больших сложностей и только поэтому глотала таблетки. Когда являлся страх, я решительно принимала лекарство...

Он вошел в зал, как все, но затем, словно не зная, что делать дальше, застыл в центре кафе. Взгляд его блуждал, не задерживаясь долго на людях, которых он, по очереди, разглядывал. В глазах мужчины отражалась необычная и довольно привлекательная смесь неуверенности, надежды и решимости. После того как окинул взглядом посетителей, сидевших возле кассы, он обратил свой взор на группу неподалеку от себя. Он посмотрел и на меня, и я не отвела глаз, встретившись с ним взглядом, но не стала отвечать незнакомцу заинтересованностью. Он продолжал напряженно оглядывать зал, и я вдруг отчетливо поняла, что он высматривает какую-то женщину. Я уставилась в экран и снова принялась за работу.

– Мадам, вы ждете месье Белливье?

Вопрос был чисто формальным и, собственно говоря, не требовал ответа. Это было нечто большее, чем приветствие, это было сообщение, код. В вопросе не было надежды, в нем не было ничего личного, никаких проявлений чувства. Я рефлексивно покачала головой. Мужчина задержал на мне взгляд, словно давая время одуматься, потом отступил на несколько шагов, снова занял позицию в центре и продолжил свою охоту.

Я стала внимательно его изучать, и с каждой секундой все больше убеждалась в том, что месье Белливье должна ожидать женщина. На мужчин этот человек не смотрел, он их отсеивал.

Он обратился к другой женщине, и, хотя я не могла на таком расстоянии разобрать слов, была уверена, что он задал ей тот же вопрос. Она в ответ покачала головой. Я угадала, и принялась внимательно рассматривать женщину. У нее, как и у меня, были каштановые, подстриженные в форме каре волосы. Мужчина вернулся на прежнее место, словно там на полу была поставлена точка, с которой он всякий раз делал свои вылазки. В глазах мужчины мелькнуло отчаяние. Был ли это сам месье Белливье или лишь его представитель?

Человек был преисполнен решимости найти женщину, ожидавшую месье Белливье, и тут мне в голову пришла идея. Сама по себе она была банальной, но одновременно пугала и соблазняла меня. Мужчина снова оглядел посетителей. Эта женщина должна находиться здесь. Я помахала ему рукой. Первый шаг сделан – призывный взмах руки. Мужчина не выказал удивления, хотя, видимо, был озадачен тем, что я не сделала этого раньше. Я прошептала:

– Да, это я жду месье Белливье.

Мужчина протянул руку, и мы обменялись рукопожатиями, но при этом никто из нас не представился. Одно мгновение я раздумывала, почему он не представился, но потом истолковала его поведение как признание в том, что фактически он и есть месье Белливье. Мне тоже не было никакой нужды представляться, потому что он, очевидно, знал, кто я. Молчаливого рукопожатия оказалось вполне достаточно. Холодное рукопожатие сказало мне, что между Белли-

вье и той женщиной не было никаких личных контактов, ибо в противном случае он чмокнул бы меня в щеку. Здесь речь шла исключительно о найме на работу.

Не стоит ли мне теперь объясниться и сказать ему правду? Я оказалась заложницей собственной авантюры. Однако идея поиграть еще немного показалась мне невероятно соблазнительной, и я не смогла устоять. Надо сделать еще несколько мелких шажков ему навстречу, и он в любом случае должен понять, что я не та, за кого себя выдаю, как только мы начнем говорить.

Я закрыла свой ноутбук. Он мог выдать меня с головой. Если мужчина поймет, что я не та женщина, которую он искал, то, во всяком случае, не узнает, кто я на самом деле. Мужчина оглядел зал, чтобы удостовериться, что за нами никто не следит. Он сел в кресло напротив меня и машинально подтянул брюки, а я незаметно выключила в сумочке мобильный телефон. Еще одна попытка как можно дольше сохранить инкогнито.

Мужчина вдруг встал и спросил, не хочу ли я чего-нибудь. Я, не говоря ни слова, кивнула, потому что все еще опасалась заговорить. Может быть, нужная ему женщина уже говорила с ним по телефону, и он по голосу поймет, что я не та, за которую себя выдаю. Мужчина направился к кассе. Когда он отошел, зеленое кресло, в котором я сидела, показалось мне огромным и неудобным. Такая забота внезапно показалась мне слишком навязчивой.

Мужчина положил в кофе сахар и размешал его ложечкой. Я продолжала хранить молчание. Теперь моей главной мыслью было: как мне выпутаться из этой идиотской ситуации? Однако фантазии о том, кто был этот человек и кто здесь ждал месье Белливье, пересилили страх. Может быть, он думает, что я девочка для эскорта? Может быть, дело именно в этом? Может быть, он вызвал женщину именно для этого и теперь собирается повести ее в шикарный отель?

– Вы долго ждали?

Этот вопрос был таким же шаблонным, как и первый. Это была либо лишь формальная любезность, либо вопрос на засыпку. Он сам мог запоздать или, наоборот, прийти слишком рано.

– Я постаралась прийти вовремя, – ответила я, удивляясь полнотонности вернувшегося ко мне голоса.

Похоже, мужчина хотел улыбнуться, но передумал, и выражение его лица осталось деловым и бесстрастным.

– Меня прислал месье Белливье. К сожалению, он не смог прийти сам, но вы можете быть уверены, что в скором времени вам представится случай его увидеть.

Так, значит, сидящий напротив меня мужчина – не месье Белливье. Впрочем, толку от этой информации было немного. Пока он еще мог быть кем угодно, а это означало, что и я пока оставалась бестелесной.

– Меня радует, что вы согласились работать, и надеюсь, что вам у нас понравится.

«Что вы согласились». Значит, это будут обязанности, которые мне придется исполнять. В голову снова закралась мысль о девочках из эскорта.

– Вы устали?

Я энергично кивнула и улыбнулась.

– Да, мне, пожалуй, не стоит сидеть здесь и распространяться о работе. Лучше будет пойти в учреждение, и там, на месте, я вам все объясню и покажу. Кроме того, вы сможете сразу устроиться на рабочем месте.

Он любезно придержал дверь кафе, и мы вышли в дневную жару. У меня было такое впечатление, что я наткнулась на горячую стенку. Мой выбор именно этого кафе для работы был обусловлен исключительно его эффективным кондиционером. Сидеть и работать здесь было прекрасным средством вернуться в реальность и нормально себя чувствовать.

Я искоса посмотрела на мужчину, когда мы по эскалатору спускались на площадь, и я, естественно, задумалась о том, как мне от него ускользнуть. Я могла сделать вид, что получила эсэмэс от человека, которого на самом деле ждала, и извиниться за недоразумение. Я могла прикинуться больной.

– Тут недалеко, – сказал мужчина и улыбнулся.

Действительно, через пару минут мы остановились перед зданием «Аревы», компании, расположенной в самом высоком из небоскребов делового центра. Мысли об эскорте можно было отбросить. «Арева» – одна из ведущих компаний энергетического сектора французской экономики, и здесь располагается ее штаб-квартира. Все последние недели название компании не сходило со страниц газет в связи с сомнительными операциями в разных частях мира. Мне часто приходилось сталкиваться с этим названием во время расследования махинаций банка Эйч-эс-би-си в Африке.

Не там ли работал месье Белливье? Не стоит ли мне попытаться заглянуть в секретные документы? Не ждет ли меня сенсация? Мне стало на самом деле интересно, что это были за операции, однако одновременно я почувствовала укол страха. Мне надо узнать больше. Через вращающиеся двери мужчина вошел в огромный вестибюль и перекинулся несколькими словами с девушкой у стойки. Он вернулся скорее, чем я ожидала, и протянул мне пропуск:

– Смотрите не потеряйте.

Скосив взгляд вниз, я посмотрела на карточку, чтобы узнать наконец, кто я, боясь, что увижу на картонке свое собственное имя. Но на голубой пластинке значилась только профессия – «менеджер по продажам». Никакого имени я там не увидела. Человек оценил мою реакцию, а потом сказал с неопределенной интонацией:

– Он не лишен чувства юмора.

Я поняла, что мой спутник имел в виду месье Белливье. Все говорило о том, что мне предстоит быть отнюдь не менеджером по продажам. Шансы заглянуть в документы, кажется, несколько возросли.

У мужчины тоже был пропуск, и я попыталась разглядеть, что там написано, но это мне не удалось. Прикрыв карточку ладонью, он приложил ее к валидатору и после сигнала прошел за ограждение. Похоже, мне предстояло сделать то же самое. Я упустила шанс улизнуть естественным путем – настолько естественным, насколько это было возможно в той ситуации.

Мы остановились у лифта. У дверей выстроилась очередь из нескольких человек, а значит, в лифте мне не придется ехать наедине с моим спутником. Здесь и сейчас, шептал мне внутренний голос, ты можешь отработать назад. Собственно, это я поняла с самого начала.

Мы вошли в лифт вместе с несколькими одетыми в строгие костюмы мужчинами и одной женщиной в красном платье. Красивые ноги смотрелись умопомрачительно на фоне изумительного красного цвета. К своему ужасу, я убедилась, что мужчины нажали кнопку следующего этажа. Но от этого мысль о секретных документах только укрепилась. Вероятно, их хранили не так близко к уличному входу. Прежде чем покинуть лифт, мужчины пожелали нам удачного вечера. Мы отправились выше, но очень скоро точеные ножки тоже покинули нас. Я стиснула пальцами пропуск.

Мы с моим спутником наконец оказались наедине в замкнутом пространстве. Мы были вдвоем, и мне показалось, что он слегка занервничал. Может быть, он должен был что-то сделать, но не сделал? Может быть, мы оба должны были что-то сделать? Подъем казался мне бесконечно долгим. Но все лифты в конце концов останавливаются – остановился и этот. Двери разъехались. Мужчина театральным жестом предложил мне выйти раньше его. Мы окунулись в тишину. В лифтовом холле не было ни души.

Я увидела запасный выход – совсем рядом с лифтом. Но что я буду делать, подумалось мне, если выход окажется запертым. Меня охватила паника, я кинулась к двери и рванула на себя ручку. Дверь поддалась. За ней я услышала гомон нескольких мужских голосов. Я

оглянулась. Мой спутник не сделал ни малейшей попытки меня остановить. Он просто стоял возле лифта и изумленно смотрел на меня. Тяжело дыша, я опустила глаза и сделала несколько шагов вниз по лестнице, едва не столкнувшись с человеком, спешившим вверх по ступеням с чашкой кофе в руке.

Немного постояв, я развернулась и возвратилась в холл. Внизу находились сотни людей. Дверь запасного выхода вела прямо к ним. Лестница конечно же использовалась всеми сотрудниками, которым до смерти надоело ездить в лифте. Они могли легко дотянуться до меня, как и я до них. Я вышла в холл и обратилась к моему спутнику:

– Прошу прощения. Со мной иногда такое случается. У меня клаустрофобия, мне очень плохо в лифте. Еще раз извините.

– Это совершенно безопасно, но вы должны были меня предупредить. Как видите, здесь есть лестницы.

Я последовала за ним. В коридоре находилось множество дверей с окнами, и сквозь полуоткрытые жалюзи я разглядела нечто вроде большого конференц-зала.

– Мы пришли, – сказал мужчина и сделал широкий приглашающий жест.

Я остановилась. Мужчина достал из кармана два одинаковых ключа и одним из них отпер дверь. На этот раз мой спутник не стал пропускать меня вперед, а быстро вошел в помещение сам. Я в нерешительности остановилась в дверном проеме. Это на самом деле был конференц-зал с классическим круглым столом в центре. У окна стоял низенький стол с компьютером. В углу я увидела старый, весьма ободранный вертящийся стул. Кажется, сюда свалили всю отслужившую свое мебель. Компьютер тоже был не из новых.

Мужчина выглянул в окно.

– Обстановка, конечно, спартанская, но зато здесь чисто – каждый день приходит женщина и убирается, так что к вашему приходу корзина для мусора будет пуста, а пол вычищен пылесосом, – сказал он.

В этом месте мне надо было его поблагодарить? Я промолчала. Мужчина снял с кольца ключ и передал его мне. Я взяла ключ и прочитала в глазах своего спутника невероятное облегчение. Кажется, я избавила его от непосильного бремени.

– Теперь я должна сесть и ждать объяснений?

Мужчина хлопнул в ладоши.

– Да, на панораму вам жаловаться не придется.

Действительно, уже от двери я увидела сквозь окно весь Париж.

– Отсюда открывается вид до подножия Монмартра. Видите Сакре-Кёр? До чего же красивая церковь!

Очевидно, что разговор о церкви был прелюдией, облегчающей мне привыкание к новому месту, и я приняла приглашение к игре. Вид из окна, впрочем, открывался действительно величественный. Мы оба как зачарованные смотрели на панораму великого города, и взгляды наши встретились в отражении от оконных стекол. Он отвернулся от окна, а я продолжала изучать отражение незнакомки в окне.

– Да, но мне надо кое-что сделать...

Он поставил на пол коричневый портфель, раскрыл его и достал из него какой-то документ.

– Вы прочтете его сами, а потом зададите интересующие вас вопросы. Я пока схожу за кофе. Этажом ниже есть кофейный аппарат. Можете в любое время им пользоваться.

Всего несколько минут назад я сидела в кафе и страшно боялась раскрыть свою личность. Теперь же мне предстояло прочесть нечто, названное трудовым контрактом, пока абсолютно незнакомый мне работодатель ходил за кофе. Он оставил дверь полуоткрытой, за что я была ему несказанно благодарна. Я вытащила из сумочки мобильный телефон. Теперь он не представлял для меня ни малейшей опасности и даже, наоборот, успокаивал, хотя я и не имела

ни малейшего понятия, куда мне звонить в случае необходимости. Пока еще в какой-то мере контролировала ситуацию, я принялась за чтение двух сложенных пополам страниц.

Так называемый договор был отлично сформулирован и прекрасно напечатан, но ответов на большинство моих вопросов я так и не получила. Была определена продолжительность рабочего дня, очень, впрочем, небольшая, и мне показалось, что это не было случайностью. Почему я должна была приходить на работу позже других сотрудников, а уходить до окончания рабочего дня?

Контракт заключался на три недели. Соответственно, здесь не было ни слова о поводах для увольнения, но зато подробно перечислялись обязанности. Жирным шрифтом был напечатан размер гонорара. Достаточно большая сумма денег. Это, должно быть, не обычная журналистская работа.

С равным успехом я могла бы заниматься такой работой, сидя в кафе неподалеку. Но здесь у меня, возможно, появится возможность заглянуть в какие-нибудь интересные материалы. Я, правда, сомневалась, получу ли когда-нибудь обещанные мне деньги, но если их получу, то нам с сыном не придется проводить отпуск в душном городе.

Я собралась еще раз посмотреть на Сакре-Кёр, но в этот момент раздался стук в дверь. Я вздрогнула от неожиданности.

– Простите, что напугал вас, но вы должны привыкнуть к тому, что теперь это ваш кабинет и никто не имеет права входить к вам без стука.

Мужчина держал в руках два пластиковых стакана с кофе. Как ни странно, но мне было приятно снова видеть моего спутника – он, по крайней мере, был реален. Он не был отвлеченным именем, безликой подписью или бестелесной тенью. Он не был из тех людей, о которых говорят, но зато был человеком, с которым можно поговорить. Он казался мне более реальным, нежели я сама. Теперь я не имела ни малейшего представления о том, кто я, особенно после того, как прочитала контракт. Мужчина поставил на стол оба стакана и взял ручку.

– Да, вероятно, вы уже поняли, что на работе у вас будет масса мертвого времени. К сожалению, ваша работа не будет богата событиями. Она не потребует напряжения интеллекта, но зато многие говорят, что она не вызывает стресс. Здесь вы будете заняты другими вещами.

Он жестом указал на коричневый картонный ящик, стоявший под столом. Я, к своему стыду, раньше его просто не замечала. Несмотря ни на что, я сомневалась, что ящик стоял под столом, когда мы вошли в помещение.

– Месье Белливье сказал, что вы любите читать, и поэтому оставил здесь коробку с книгами. Он прав?

Контракт был подписан неразборчивой подписью. Я заранее не подумала о том, что в таких контрактах подпись часто требуется расшифровать. Мужчина взял в руки контракт, а я принялась громко восхищаться открывающимся из окна видом, чтобы отвлечь его от размышлений о подписи. Тянуло же меня на приключения!

– Ну вот, с официальной частью покончено. На случай, если мы с вами больше не увидимся, я хочу пожелать вам удачи. Впрочем, пока все и так идет хорошо.

Я согласно кивнула.

– Сейчас можете быть свободны. К работе приступите завтра утром.

– Но у меня есть несколько вопросов. Что, если что-нибудь случится, например сломается компьютер. Будет ли у меня возможность с кем-нибудь связаться? Я могу с кем-либо контактировать?

В первый раз ему пришлось выйти за рамки заготовленного сценария, и он сменил тон. Это была уже совершенно другая пьеса.

– Здесь не может ничего случиться. Все будет работать нормально. Если же вдруг, паче чаяния, что-нибудь все же произойдет, то очень важно, чтобы вы не контактировали ни с кем...

посторонним. Если что-то перестанет работать, то, я уверен, сюда быстро придет месье Белли-вье, выяснит причину и будет контактировать лично с вами.

Мы направились к лифту. Что мне говорить, если какой-нибудь сотрудник «Аревы» спросит меня, что я здесь делаю? Я не стала об этом спрашивать, и так знала, что именно ответит на это мой спутник. «Сюда никто и никогда не придет». Наверное, это правда. Дверь лифта открылась, и мы вошли в кабину.

– Вы не знаете, кто занимал этот верхний этаж раньше? Эти помещения выглядят как исполинская жилая квартира.

Я помотала головой, чтобы отогнать шальную мысль о том, что это личные апартаменты месье Белли-вье.

– До «Аревы» здесь располагалась компания «Фраматом», она владела зданием, а до «Фраматома» – штаб-квартира «Фиата», автомобильного гиганта. Шеф концерна, Джованни Аньели, устроил здесь свои личные апартаменты.

Этот анекдотический рассказ как нельзя лучше заполнил время спуска и пришлось весьма кстати.

– Будет очень хорошо, если вы не станете контактировать ни с кем из тех, кто в этом здании работает. Как бы удачнее выразиться? Вы должны быть как можно скромнее и незаметнее. Но вы наверняка и сами это понимаете.

Да, я хорошо это понимала.

* * *

Мансебо просыпается от резких толчков. Фатима изо всех сил трясет его за плечи. За двадцать лет Мансебо проспал всего дважды. Этот раз стал третьим. Он смотрит на будильник. 6:59. Мансебо сквозь зубы цедит ругательство, потом еще одно.

Фатима вскакивает с кровати, надевает туфли и принимается по всей комнате искать брюки своего мужа.

– Где ты вчера раздевался, муженек?

В конце концов Мансебо обнаруживает брюки на диване, а затем переворачивает комнату вверх дном, пытаясь отыскать ключи от машины. Никогда прежде ключам не удавалось столь чудесным образом исчезнуть, но ведь и сам Мансебо сегодня первый день играет роль частного детектива.

– Успокойся, милый муженек, в конце концов, у тебя не ресторан суши.

Несколько дней назад Мансебо поведал жене, что в Рунжи скоро откроется пункт снабжения ресторанов суши. Скоро там будет благородная рыба, и особенным спросом, наверное, будет пользоваться жирный тунец.

Спустившись вниз и усевшись в свой белый пикап, Мансебо вставляет в гнездо ключ зажигания, но вдруг задумывается. Если он сейчас поедет в Рунжи, то вернется и откроет магазин не раньше десяти, а то и позже. Все зависит от пробок. Не может же он начать первый рабочий день на новой работе с опоздания. Он смотрит в зеркало заднего вида, оценивает, как выглядит, и проводит ладонью по жесткой щетине, а потом начинает внутренний монолог. Возможности у него, собственно говоря, две. Либо он едет в Рунжи и получает свежий товар, но тогда откроет лавку по меньшей мере на час позже обычного. Но как это будет выглядеть, если мадам Кэт станет известно, насколько вольно он относится к своим новым обязанностям? Она точно знает, когда открывается его магазин. Если он махнет рукой на поездку в Рунжи, то впервые за всю историю останется среди недели без свежих овощей и фруктов, но зато вовремя начнет свой первый рабочий день. Однако то, что в конце концов заставляет его вылезти из машины, – это зеленые глаза мадам Кэт и предвкушение, как он будет рассказывать о новом приключении семье, когда оно закончится.

Мансебо, как обычно, отпирает дверь. Как обычно, поднимает решетку. Как обычно, выносит он на улицу овощи и фрукты и, как всегда, здоровается с мадам Брюнетт, которая проходит мимо со своим белым, небрежно подстриженным пуделем. На самом деле, конечно, Мансебо все делает отнюдь не так, как обычно. Все перечисленное он делает без обычной энергии, интереса, напряжения, старания, мысли и чувства, ибо все стало иным и необычным. Весь мир Мансебо теперь съехался до размеров стоящего напротив дома.

Город еще дремлет. Запах дождя пробуждает в Мансебо воспоминание о прошедшей ночи, и он мысленно улыбается. Что бы ни происходило дальше, важно то, что уже произошло. Он познакомился с женщиной по имени мадам Кэт, которая попросила его следить за ее законным супругом. Никто не сможет этого отнять у Мансебо. Будут ли у него трудности в первый рабочий день, появится ли писатель в бейсболке или нет – это не важно, важно, что он должен подробно описать наступающий день. То, что произошло вчера ночью, уже произошло. И это главное.

Что ж, начинаем работать, думает Мансебо, раскладывает на прилавке сухие, сморщенные яблочки и брызгает на них водой, чтобы хоть немного освежить. Город начинает просыпаться, как просыпаются все большие города. Медленно, нехотя, готовясь к приему миллионов людей, которые скоро появятся на его улицах. Солнце красиво подсвечивает крыши домов. День обещает быть ясным после вчерашнего дождя.

Большая часть моркови отправляется прямоком в мусорный мешок. Помидоры, впрочем, выглядят ненамного лучше. Мансебо роется в перце, отбирая испорченные стручки, и это занятие целиком поглощает его внимание. В такой ранний час он еще может контролировать свое хозяйство, тем более что все это лишь зелень, которую иногда не жалко и выбросить. Потом, когда день вступит в свои права, станет труднее, и Мансебо прекрасно это сознает.

На улицу шаркающей походкой выходит одетая в черное женщина. Черная фигура отвлекает Мансебо от ярких, пестрых фруктов. Ему требуется еще несколько секунд, чтобы понять, что эта женщина – его жена Фатима. А он и не знал, что жена имеет обыкновение до обеда выходить на улицу. Впрочем, он не знает и того, почему втемяшил себе в голову, что она по утрам всегда сидит дома. Наверное, причина в том, что она никогда не говорит, что выходит из дома по каким-то делам в утренние часы. Может быть, он пришел к такому выводу из-за уверенности, что она рассказывает ему обо всех своих делах. Мансебо выходит на тротуар и смотрит вслед жене, идущей по бульвару. Но вдруг происходит нечто странное и необычное. Фатима, словно у нее открылись глаза на затылке, вдруг резко оборачивается и сверлит взглядом мужа, который стоит на тротуаре, держа в каждой руке по перчику.

– Что ты здесь делаешь?! – кричит она и поворачивает назад, к магазину.

На несколько секунд Мансебо забывает, что сейчас он ни при каких обстоятельствах не может быть в магазине. Время приближается к восьми. Он сейчас не может быть даже в «Ле-Солейль» и пить там кофе. Сейчас он должен быть на шоссе и ехать назад в Париж из Рунжи в машине, набитой овощами и фруктами.

Однако, как и положено заправскому частному детективу, Мансебо не лезет за словом в карман.

– Эта проклятая жестянка не хочет заводиться. Чихала, чихала, а потом взяла и совсем заглохла. Не поехала. Что скажут покупатели? Пойди взгляни на овощи!

Он делает вид, что смахивает слезу со щеки – для верности. Фатима критически рассматривает овощи и злобно выбрасывает несколько морковок.

– Я сколько раз говорила тебе, что это лишь вопрос времени – когда сломается твоя проклятая машина. И что ты собираешься делать завтра утром? – ворчит Фатима.

– Завтра утром?

– Да, как ты завтра утром поедешь в Рунжи?

– Да, да, нет... но у меня впереди целый день, и я разберусь с машиной.

Мансебо так захвачен попытками выбраться из затруднительного положения, что начисто забывает спросить, что его жена делает на улице в такую рань.

– Яблочки тоже неважно выглядят, их никто не купит. – Фатима тычет пальцем в яблоки и начинает брызгать на них водой.

Мансебо внезапно начинает злиться. Если бы его машина и правда сломалась и он не смог бы поехать в Рунжи, то реакция Фатимы была несправедливой. Почему она на него злится? В чем она хочет его обвинить?

– Между прочим, что ты делаешь на улице в такую рань? – спрашивает он.

– В такую рань? Я слышала, что машина не завелась, слышала, как ужасно она чихала, ты же сам это говоришь. Я на балконе вытряхивала половики и подумала, что надо тебе помочь в сортировке фруктов. Что в этом странного?

Мансебо замечает, что в руке Фатима держит кошелек. И почему она собралась переходить бульвар, куда она направлялась?

Мансебо молчит, и не из страха перед Фатимой, а потому что отныне должен вести себя очень и очень осмотрительно.

Все больше и больше людей заполняют тротуар, и Мансебо становится труднее замечать всех проходящих мимо. Никакой коричневой бейсболки он пока не видел. Еще не было и десяти, а желудок уже начал бунтовать. Причина, по мнению Мансебо, в том, что сегодня утром он не пил кофе. Горячий напиток заставлял желудок молчать до обеда. Он смотрит на дом, но в окнах по-прежнему сумрачно. Мансебо слышит на лестнице какой-то шум, и почти в ту же секунду из двери вываливается Тарик.

– Я уже слышал про машину. Чертовское невезение. Хочешь, я позвоню Рафаэлю? Он придет, глянет на твою жестянку.

Рафаэль – закадычный друг Тарика. Он работает электриком, но на самом деле волшебник, способный, как говорят, починить все, что сломалось. Последний раз Рафаэль проявил свое недюжинное искусство, когда починил электрический массажер для ног Фатимы. Он пылился в кладовке, и никто не чаял когда-нибудь им воспользоваться, но Рафаэль смог починить его и запустить.

– Спасибо, я и сам могу ему позвонить, но сначала постараюсь разобраться. День сегодня будет спокойный, потому что все это больше похоже не на овощи, а на компостную яму.

– Это плохо.

– Да.

Тарик закуривает сигарету, уже явно не первую за день, и переходит бульвар. Мансебо вдруг приходит в голову, что Тарик, возможно, знаком с писателем, живущим на верхнем этаже над его сапожной мастерской. Может быть, писатель даже добрый клиент Тарика. Но Мансебо не помнит, чтобы ему приходилось слышать рассказы о живущем над мастерской клиенте, или о писателе, который время от времени заходит в мастерскую подлатать обувь. Это странно, особенно если подумать, что у всех людей время от времени рвется обувь и часто возникает необходимость сделать копию ключа, и тогда люди, как правило, обращаются в ближайшую мастерскую, а в случае с писателем ближайшей, как ни крути, была мастерская Тарика.

Что ему написать в отчете мадам Кэт, если ничего так и не произойдет? Утро прошло, а на противоположной стороне улицы ровным счетом ничего не случилось. Во всяком случае, ничего драматического. Кухонный чад спустился из квартиры в магазин. Ну, наконец! Голод, мучивший Мансебо, понемногу переходил в тошноту. Он неохотно прикрывает лотки с овощами и фруктами, но при этом ежесекундно пристально смотрит на стоящий напротив дом. Нет, в отчете писать решительно нечего. Приходит Тарик и помогает Мансебо опу-

стить решетку. Они молча поднимаются по лестнице, идя на аромат еды, на аромат обеда, как обычно, но в необычный день.

Мансебо, сидя за низеньким столом, непрестанно крутит головой, стараясь не спускать взгляда с дома напротив, чтобы не пропустить ничего важного. Ничто не должно ускользнуть от его внимания, во всяком случае, не в первый день. Один за другим члены семьи, не говоря ни слова, сели за стол, а Мансебо раздумывал, правильно ли это. У каждого есть определенное место. Сам он всегда сидел спиной к окну, в углу, рядом с Тариком. Он не мог вспомнить, почему уже много лет занимает именно это место и как оно ему досталось, как не мог восстановить в памяти, почему все остальные получили именно свои места. Но, насколько Мансебо помнил, все всегда сидели именно так. Адель сидит у торца стола. Амир напротив Тарика, а сам Мансебо напротив Фатимы. Возможно, в таком распределении мест есть своя логика. Фатима сидит ближе всех к кухне и никому не мешает, когда поминутно вскакивает, чтобы сбегать на кухню и принести очередное приготовленное ею лакомство. Рядом с Фатимой сидит Амир. Наверное, это тоже правильно, потому что Амир часто опаздывает к обеду и может сесть на свое место, не протискиваясь мимо других членов семьи.

Адель со своего места в торце стола могла видеть все и всех, но для этого у Мансебо было только одно объяснение – несмотря ни на что, Адель была хозяйка, это ее дом, невзирая на то что она никогда не готовила еду. Мансебо отирает со лба пот и оглядывает всех присутствующих за столом. Он смотрит на них, как на незнакомцев, и это ощущение поражает его своей новизной. Но раньше у него не было от них никаких тайн, а теперь есть. Мансебо понимает, что едва ли сможет в споре убедить их сменить места за столом. Но сделать это необходимо. Часть задания заключается в том, что он должен вести себя как обычно. И это самая трудная часть. От напряжения у Мансебо начинает дергаться веко правого глаза. Боль отвлекает его, и он не слышит, что Адель, уже который раз, спрашивает, поедут ли они этим летом в Тунис.

«Я не могу сидеть спиной к моей работе. Я обязан выполнять мою работу добросовестно», – думает Мансебо, решая, как ему поступить. Он встает и решительно садится на место Амира, благо того еще нет дома. Все поражены так, словно Мансебо совершил ужасное преступление или внезапно переместился на другой континент. Стол и люди за ним превращаются в волнуемое море. Всего несколько секунд назад Мансебо находился на его противоположном берегу. Тарик устало смотрит на происходящее и закуривает сигарету.

– Что ты делаешь? – спрашивает Тарик.

– Что я делаю?

– Да, зачем ты пересел?

Входит Фатима с дымящимся рисом.

– Что ты здесь забыл? Отодвинься, муженек, пока я тебя не обожгла.

Рискованное поведение требует предельной концентрации внимания, и Мансебо изо всех сил сосредотачивается. Таким собранным он, пожалуй, не был никогда в жизни. Не спуская глаз с дома напротив, Мансебо должен одновременно найти выход из ситуации, в которую он сам себя загнал. Адель искоса смотрит на Мансебо, но молчит.

– Почему ты сел сюда? Что ты натворил на своем месте? – спрашивает Фатима и садится рядом с мужем.

– Мансебо сегодня хочет посмотреть на меня, – смеется Тарик. – То, что он и так целыми днями на меня пялится, не в счет.

Фатима внимательно смотрит на то место, где только что сидел Мансебо, ища пятна или другие причины столь странного поведения мужа.

– Это фэншун, – внезапно изрекает Мансебо.

Тарик тушит сигарету и, улыбаясь, оглядывает родственников.

– Это называется фэншуй, – смеется Адель.

Фатима в изумлении таращит на мужа глаза.

– То, как мы сидели раньше, или, точнее, как я сидел раньше, было очень нехорошо. Там были два старика, а здесь не было ни одного, потому что нет Амира, а окно расположено там... нет, это очень плохой фэншуй.

– Ты можешь предложить что-то лучше? – с неподдельным интересом спрашивает Адель.

– Я сижу здесь, и получается мужчина и женщина рядом, а у противоположной стороны стола та же картина – мужчина и женщина. Значит, ты, Адель, должна подвинуться к Тарику, а у края стола вместо тебя должен сесть Амир, когда он придет.

Мансебо не имеет ни малейшего представления о смысле слов, слетающих с его губ, но несколько недель назад он слышал, как Адель объясняла совершенно равнодушной Фатиме, что такое фэншуй. Фатима до такой степени неприлично демонстрировала свое безразличие, что Мансебо решил, что это грех, и притворился очень заинтересованным. Но даже притворяясь, надо слушать и понимать, хотя бы для того, чтобы задать несколько вежливых вопросов. Теперь это милосердие Мансебо принесло свои плоды.

– Что ты в этом понимаешь? – спрашивает Фатима.

– Рассказ и объяснение Адели сильно меня заинтересовали. Потом, я кое-что слышал об этом по радио, в машине. То, что делаем мы, это плохой фэншуй. Такое положение надо изменить. Тогда все дела у нас вообще могут пойти на лад. Торговля тоже, может быть, наладится. Добрый фэншуй приносит счастье и удачу – равновесие, гармонию, успех. Речь идет об устройении всего образа жизни.

Мансебо израсходовал все слова, слышанные от Адели, когда она произносила свою страстную проповедь. Адель хихикает. Фатима качает головой, Тарик принимается за еду.

– Куда же сядет твой сын, когда придет? – спрашивает Фатима.

– Свет падает оттуда, комната имеет прямоугольную форму... кухня там, ковер красный... он должен сесть там! – восклицает Мансебо и тычет пальцем в угол, где стоит телевизор. – Там сядет мой сын, когда придет домой.

Адель громко хохочет. Смеется и Тарик. Сам Мансебо едва сдерживает смех – губы так и стремятся разехаться в улыбке.

– Что ты несешь, муженек? Ты хорошо себя чувствуешь? Как ты до всего этого додумался? Ты, часом, не спятил? – Фатима с тревогой смотрит на мужа.

Мансебо чувствует, что следующими действиями должен успокоить Фатиму, убедить ее, что все в полном порядке. Он целует жену в потный лоб.

– Нет, нет, я шучу. Амир может сесть куда захочет, но мы все же можем кое-что и изменить. Адель так интересно рассказывала про фэншуй, что нам стоит попробовать. Честно сказать, эта мысль пришла мне в голову после того, как я сегодня утром проспал. Я сразу подумал о том давнем разговоре с Аделью, о том, как она говорила, что фэншуй может сотворить чудо с нашим магазином, и я подумал, что нам стоило бы попробовать.

Мансебо не может надивиться собственному красноречию.

– Ладно, старый дуралей, давайте есть, пока все не остыло, и считай, тебе повезло, что Амир сегодня обедает не дома, а то бы ты так легко не отделался.

Мансебо никогда раньше не поверил бы, что тот бессмысленный разговор с Аделью так выручит его сегодня в этой щекотливой ситуации. Все принялись за еду.

– Так мне звонить Рафаэлю? – спрашивает Тарик, издав странный звук – нечто среднее между отрывком и тяжким вздохом.

– Нет, я сам это сделаю.

Мансебо встает, тянется за шапочкой и, только выходя из квартиры, вспоминает, что всегда моет руки после еды. Ни в коем случае нельзя нарушать заведенный порядок, чтобы ни у кого не возникло никаких подозрений. Открыв кран и подставив руки под струю, Мансебо вдруг вспоминает, что обычно напевает, когда моет руки. Однако то, что слетает с его губ, кажется ему самому абсолютно незнакомым. Он начисто забыл, что обычно мурлычет за

мытьем рук, но тем не менее продолжает напевать начатую мелодию, пусть все его нутро и протестует против этого. Ему кажется, что все провожают его странными взглядами, когда он выходит на лестницу.

У дверей магазина стоит пожилой человек с красным мобильным телефоном в руке. Обычно Мансебо узнает в лицо всех своих покупателей, если это, разумеется, не туристы. Этот человек, несомненно, парижанин, но живет где-то далеко и точно не в этом квартале. Мансебо приветливо здоровается с покупателем и включает вентилятор, стоящий возле кассы. Обычно Мансебо с удовольствием заговаривает с новыми покупателями, но сейчас он не испытывает ничего, кроме раздражения. Единственное, о чем он сейчас думает, – это о своей новой работе.

Мужчина с телефоном покупает бутылку вина, хлеб, сыр, оливки и несколько лимонных пирожных.

– Для импровизированного пикника? – спрашивает Мансебо, и человек кивает в ответ.

В конце концов, он не так уж и глуп для частного детектива. Всю свою жизнь Мансебо не делал ничего иного, кроме как встречался и разговаривал с самыми разными людьми. А сколько часов провел он на скамеечке у входа в магазин, рассматривая и изучая проходящих мимо людей. Это очень полезно для его новой профессии. Мужчина ставит на прилавок банку оливок, а Мансебо сразу вспоминает вчерашний вечер и испытывает сильное волнение.

Мансебо кажется, что прошло уже несколько недель с тех пор, как мадам Кэт посетила его лавку. Кассовый аппарат жужжит и рокошет. Мужчина исчезает с едой для пикника, уложенной в маленький пластиковый пакет. Мансебо торопливо выносит на улицу скамеечку и усаживается на свое место, на котором он провел много лет. Но цели у него теперь совершенно иные.

Часы текут медленно, солнце плетется по небосводу и, как кажется Мансебо, неподвижно повисает над его магазинчиком. Ничто вокруг не нарушает сонного спокойствия. По радио предупредили, чтобы старики и дети сидели дома и пили много воды. Никто не выходит из дома напротив, и никто туда не входит. Во всяком случае, Мансебо этого не видит. Он понемногу приходит в отчаяние. Может быть, ему не суждено даже начать выполнять задание, внесшее нечто новое и необычное в его пресную жизнь.

Опуская решетку, он понимает, что надо поторопиться. Неуловимые сигналы, которые, как он чувствует, посылают ему город и его жители, говорят, что он слишком сильно затягивает с послеполуденным перерывом. Мадам Брюнетт уже прошла мимо со своим пуделем. В ресторан, расположенный неподалеку, уже привезли вечерний хлеб, и Мансебо понимает, что он опаздывает в «Ле-Солейль», на рюмочку ликера, уже приблизительно на полчаса. Неторопливо подходит Тарик, выбирает из кучи сморщенное яблоко и корчит недовольную гримасу. Потом они молча идут к «Ле-Солейль». «Солнце». В такой день лучшего названия для бара не придумаешь. Двоюродные братья дружно оттирают со лба пот.

– Чертова погода, – бурчит Тарик, через силу жуя яблоко.

– Да, на лето из Парижа лучше куда-нибудь уезжать.

– Да, да, ты прав. Ты знаешь, что в Саудовской Аравии на каждой маленькой площади установлены кондиционеры?

Они сворачивают на улицу Клапейрона и оказываются в тени высоких домов.

– Брат, ты звонил Рафаэлю? – спрашивает Тарик.

– Нет, я думаю, что автомобиль уже работает. У двигателя, наверное, случился тепловой удар.

– Ты думаешь? Как ты можешь думать, что автомобиль починился сам? Тебе надо испытать его – вдруг он снова не заведется, когда ты завтра поедешь в Рунжи?

– Да, конечно, ты прав, и я это сделаю, после того как мы пропустим по стаканчику.

Последнее, чего хочется Мансебо сейчас, – это садиться за руль, но он понимает, что вся его история должна выглядеть в высшей степени правдоподобно.

Франсуа пожимает братьям руки и направляет струю воздуха от вентилятора на стол, за который усаживаются Мансебо и Тарик.

– Это для моих ВИП-гостей, – говорит Франсуа и ставит перед ними по стакану ликера – один стакан со льдом, а другой – без.

– У Мансебо сломалась машина, – сообщает Тарик бармену.

Эта откровенность не на шутку раздражает Мансебо. Как может такой пустяк, какая-то сломанная машина, которая на самом деле вовсе и не сломана, занимать столько места в разговорах. Почему Тарик никак не может оставить эту тему? Мансебо думает, что он всегда сам разбирается со своими проблемами. Конечно, он благодарен Тарику за то, что тот помогает чинить решетку, когда ее заклинивает, и составляет за него налоговые декларации, но сейчас Мансебо решительно не желает делиться своими неприятностями с кузеном.

– Да, сегодня утром я не смог поехать в Рунжи, но один день можно обойтись и без свежих овощей и фруктов.

– Позвони Рафаэлю, – советует Франсуа.

– Я ему уже говорил. – Тарик обхватывает ладонью стакан.

Тарик продолжает разглагольствовать и на обратном пути. Мансебо молчит. Ему немного грустно. День почти прошел, а писатель так и не показался. Может быть, все так и закончится ничем и все это задание окажется сущей бессмыслицей. Наверное, ему не удастся ни о чем рассказать мадам Кэт. Мансебо совсем пал духом, когда они наконец добрались до магазина. Тарик рассказывал про какого-то бомжа, который утром оставил в мастерской пару ботинок.

Мансебо настолько подавлен, что уже не думает о необходимости вести себя как обычно, и это, как ни странно, успокаивает его, и он на самом деле начинает вести себя как всегда. Однако он помнит, что должен проехаться на машине, чтобы в доме воцарилось спокойствие.

Машина завелась с первого поворота ключа, но ради правдоподобия Мансебо включает стартер несколько раз, потому что все должны слышать, как он проверяет мотор. Мансебо тяжело вздыхает и выезжает в плотный поток машин. Знойный воздух висит неподвижно. «Я сейчас становлюсь виновником парникового эффекта», – думает Мансебо и останавливается на красный свет. Это чистое безумие – выезжать на улицу после того, как всех призвали не пользоваться сегодня машинами. Мансебо медленно объезжает квартал. Проезжая мимо «Ле-Солейль», он видит, как из-за бутылок на витрине на него смотрит Франсуа, машет рукой и вскидывает брови, словно спрашивая, все ли в порядке с машиной. Мансебо в ответ поднимает большой палец и изображает на лице широчайшую улыбку. Надо немедленно положить конец этой автомобильной истории.

Несмотря на то что Мансебо находится в какой-то сотне метров от своей овощной лавки, ему кажется, что он заново открывает для себя до боли и жути знакомый квартал. Как будто видит его в первый раз. За тридцать лет он исходил квартал вдоль и поперек, но ни разу не ездил по нему в машине. Для этого, собственно, не было никаких причин. Захваченный своими мыслями о том, что с места водителя квартал выглядит совсем иначе, Мансебо сворачивает на улицу с односторонним движением, и парижане отреагировали мгновенно, принявшись отчаянно сигналить, чтобы обратить внимание Мансебо на его оплошность.

Мансебо поднимает руку, чтобы показать всем, что заметил свою ошибку, вполголоса ругается и начинает лихорадочно озираться, чтобы поскорее снова выбраться на надежный бульвар. Мансебо охватывает волнение. Движение пугает его. Пока не загорелся зеленый, у него есть небольшая передышка. Из-под шапочки на лоб потекла струйка пота. Ничего, надо просто дождаться подходящего момента и выбраться отсюда. По улице, разморенные жарой, бредут туристы с развернутой картой.

Мансебо скашивает глаза и видит нескольких голубей, невозмутимо справляющих нужду на балконе. Наверное, они не могут летать и испражняться одновременно, почему-то думает Мансебо. На светофоре вспыхивает зеленый свет. Мансебо перестраивается вправо и испытывает невероятное облегчение, видя впереди родной бульвар. Чем ближе к бульвару, тем медленнее становится движение. В этот момент Мансебо замечает писателя. Он идет по направлению к пожарной лестнице. В руке писатель держит пачку документов. Мансебо сигналист, хотя и прекрасно понимает, что это ни на йоту ему не поможет, но зато нажатие на клаксон позволяет сбросить лишний стресс. Включив левый поворотник, он одновременно поворачивает вправо.

Впрочем, выбора у него не было. Он не может, не имеет права упустить такой шанс. Плотное движение отнюдь не мешает Мансебо, оно позволяет ему ехать с той же скоростью, с какой писатель идет по противоположной стороне бульвара. Мансебо изо всех сил сжимает руль. Писатель сворачивает на улицу Шеруа. Мансебо давит на газ и быстро огibt развязку с круговым движением, чтобы снова оказаться рядом с писателем. Улица уже бульвара, и Мансебо оказывается совсем близко к объекту наблюдения и может не спеша внимательно его изучить. Писатель идет, глядя прямо перед собой и ни о чем не подозревая. Ничто в облике этого человека не говорит о встрече с любовницей. Мансебо, правда, не вполне понимает, какими, собственно, должны быть такие признаки. Следы губной помады? Нет, это слишком прямолинейно и грубо. Мансебо во все глаза смотрит на писателя, стараясь отыскать какие-то следы неверности, когда вдруг ощущает сильный удар.

Мансебо грудью ударяется о рулевое колесо. Он не пристегнулся ремнем безопасности, потому что решил всего лишь сделать круг, чтобы проверить машину. Все остановилось. В машине наступила тишина. Мансебо решает посмотреть писателю в глаза. Он тоже, как и многие пешеходы, застыл на месте. Таксист, молодой, низкорослый, татуированный парень, уже вышел из машины на тротуар. Мансебо, по рассеянности, въехал в такси.

Мансебо понимает, что должен выйти из машины и объясниться. От удара у него сильно болит грудь. Он берет четки, висящие на зеркале заднего вида, и открывает дверь машины. Боясь, что его могут принять за террориста, ибо в последнее время виновниками всех терактов стали считать мусульман, он прячет за спиной жемчужные четки и начинает потными пальцами перебирать их – жемчужину за жемчужиной. Так всегда поступал его отец, попадая в неприятные ситуации.

На месте происшествия словно из-под земли появляются двое полицейских. Мансебо недоумевает, как они смогли попасть сюда так быстро. Вероятно, они занимались неподалеку неправильно припаркованными на бульваре машинами. Оба уже приготовили блокноты.

Левая фара пикапа разбита вдребезги. Хуже было то, что и на машине такси виднелась изрядная вмятина. Прежде чем подойти к Мансебо, один из полицейских сказал, что остаться следует только тем из пешеходов, кто сам видел происшествие. Остальные могут идти своей дорогой.

Мансебо бросает взгляд на писателя, который остается стоять на месте после слов полицейского. Пальцы Мансебо стали настолько влажными, что он с трудом перебирает четки. «Не закончится ли мое задание после такого многообещающего начала?» – думает Мансебо. Если писатель заявит, что он свидетель, то все будет кончено. Они с писателем станут знакомыми, он, Мансебо, перестанет быть для этого человека сидящим напротив безымянным владельцем лавки и превратится в человека, въехавшего в таксиста.

Водитель такси дает объяснения полиции, за что Мансебо очень ему благодарен. Мансебо уверен, что шофер говорит, как все было на самом деле, потому что сам Мансебо не имеет ни малейшего представления о том, как все произошло. Писатель медленно уходит с места происшествия. Полицейский направляется к Мансебо.

* * *

Мои обязанности состояли в дальнейшей передаче поступивших электронных писем господину Белливье. Каждый раз, когда поступало сообщение, его надо было отправить дальше. Мой адрес был `tout.mon.mondee@free.fr`, и все сообщения, поступившие на этот адрес, я должна была передавать по адресу `monsieur.bellivier@free.fr`. О том, почему эти письма нельзя передавать непосредственно месье Белливье, в контракте не было сказано ни слова. К тому же из контракта следовало, что я не имела права сохранять письма или что-то в них менять, – я должна была неукоснительно передавать их дальше.

Очень странно, что перед моим первым рабочим днем я прекрасно спала, несмотря на поразившую город жару. Тогда я не знала, что пройдет куда больше времени, прежде чем я обрету спокойный сон, и что он не зависел от колебаний температуры. Я взяла с собой зеленые контактные линзы, хотя они не были мне нужны на новой работе. Но какая-то часть моего существа была уверена, что большую часть дня мне придется провести в кафе.

По пути к новому рабочему месту меня подстерегало множество опасностей. Первая – вращающиеся двери, которым никогда нельзя доверять. За дверями следовала следующая опасность – стойка приемной. Меня могли остановить на этом пункте. Возможно, до девушки у стойки дошли слухи о том, что кто-то попытался незаконно проникнуть на верхний этаж здания. Возможно, камеры наблюдения позволили зафиксировать, что два человека прошли в здание, пользуясь подложными пропусками. В ящике стола девушки теперь лежит фотография преступников – то есть моя фотография и фотография моего спутника. Мужчины и женщины. Но поймают они только женщину, потому что она оказалась достаточно глупа для того, чтобы вернуться на место преступления. И если меня не остановит девушка за стойкой, то остановит пропуск. Загорится ли зеленый индикатор, когда я приложу карточку к валидатору? То, что карточка сработала накануне, не говорило ровным счетом ни о чем. Возможно, она была уже просрочена.

Последним барьером была дверь самой конторы. Подойдет ли к замку мой ключ? Ничто не гарантировало, что заработает компьютер или что на него когда-нибудь придет имейл. Из-за этого немыслимого количества возможных рогаток и препятствий я и взяла с собой зеленые контактные линзы. Скорее всего, мне предстояло стать сегодня бедуином киберпространства. Я долго колебалась: стоит ли мне брать с собой таблетки от страха, и в конце концов все же положила их в сумочку.

Дважды поменяв одежду, я поняла, что на самом деле меня сильно смущал мой внешний вид. Меня долго потом преследовало это чувство. Впоследствии меня вообще очень многое смущало. Излишне говорить, что я была полна надежд, но себя стеснялась, и это еще мягко сказано. В течение многих месяцев я одевалась и брала с собой самые разнообразные вещи, совершенно не думая о том, что на мне надето и что лежит у меня в сумке. Но в тот день я впервые задумалась.

Очень трудно одеться, если и сама не знаешь, кто ты. Ничто не подсказывало мне, кем мне следует себя считать. Самым логичным было бы предположить, что проще всего мне будет, если я останусь сама собой, но это как раз пугало меня больше всего. Это было то же самое, что выйти на сцену без сценического костюма.

Это невыносимое чувство неуверенности стало неумолимо заползать мне в душу, и я краем глаза заглянула в сумочку, ища таблетки. Единственным способом сделать ситуацию сносной и даже немного приятной было твердо решить, кто я есть. Я установила правила игры – ни больше ни меньше. Другие должны были приспособливаться ко мне, а не я к ним. Во всяком случае, я сумела себе это внушить. Пропуск определил мою идентичность, так как там стояло:

менеджер по продажам, и поэтому я в конце концов выбрала черную юбку, белую блузку с короткими рукавами и красные туфли. В зеркале я увидела похожую на меня женщину.

В большом городе человек всегда в какой-то степени одинок, и я буду далеко не одинока, входя утром в высоченный черный небоскреб. Но я была все же единственной из всех, так как оказалась в уникальной ситуации. При этой мысли я еще сильнее вцепилась в сумку с компьютером. Или я действительно та, за кого себя выдаю? Может быть, здесь многие являются лишь безвольными пешками в неизвестной им игре, просто играют отведенные им роли и выполняют бессмысленную, по видимости, работу.

Вращающаяся дверь ударила меня по лицу. Обошлось без травмы, но у меня возникло впечатление, что дверь услышала мои мысленные опасения. Возможно, дверь просто наказала меня за неловкость и неопытность. Рядом возник темнокожий мужчина в костюме и спросил, все ли в порядке. Я кивнула и улыбнулась, хотя сердце буквально запрыгало у меня в груди. За стойкой сидела та же девушка, что и вчера. Она говорила по телефону, и было видно, что мысленно она находится очень далеко отсюда. Может быть, на проводе полиция? Турникеты находились по обе стороны от стойки. Возможно, здесь два лифтовых холла, и лифт в каждом из них поднимает людей в разные секторы здания. Я присоединилась к потоку людей, шедших налево. Поскольку в дверях со мной ничего не случилось, то, пожалуй, мне теперь следовало бы меньше нервничать. Настало время приготовить пропуск. Я успокоила себя тем, что если пропуск не сработает, то на турникете вспыхнет красная лампочка и мне придется всего-навсего просто покинуть здание и переместиться в знакомое кафе. Никто не обратит внимания на неработающую карточку. Тем не менее загорелся зеленый индикатор, и я бросилась к лифту, чтобы индикатор не успел сменить цвет.

Лифт с самого начала показался мне ненадежным и опасным местом. Ограниченное пространство, четыре стены, а все, кто входил в лифт, здоровались с остальными его пассажирами. Это меня просто зачаровало. Женщины были невероятно женственны, а мужчины – мужественны. Здесь правил перфекционизм, и я была очень довольна выбранной мною одеждой. До верхнего этажа я добралась в полном одиночестве.

Первое, что я заметила, выйдя из лифта, – это то, что в холле было темно. Вероятно, такова была система освещения во всем здании. Я сразу убедила себя в том, что так и должно быть. В холле и коридоре стояла мертвая тишина. Лифт поехал вниз, а я направилась к дверям. Красные туфли превосходно гармонировали с темно-красным ковром. Я вставила ключ в скважину и открыла дверь. В помещении не было ни души. Однако сегодня все выглядело иначе, чем вчера. Наверное, дело было в освещении. Я вынула из сумки контракт, чтобы получить доступ к компьютеру. Он долго загружался, и я подошла к окну полюбоваться на Сакре-Кёр.

Я ввела логин и пароль. Почтовый ящик был пуст. В нем не было ни одного письма от означенного в контракте оператора. Похоже, кто-то заглядывал в почту до меня. Я включила мой компьютер. Действительно, зачем мне терять время на безделье, если вдруг вся моя работа окажется блефом. Если ничего не произойдет до обеда, то уйду и покончу с этой работой, решила я и принялась за статью, которую никак не могла закончить. Посвятить несколько часов такой тривиальной вещи, как красоты Парижа, было совсем не плохо. Во всяком случае, панорама позволяла мне хотя бы одной ногой остаться стоять в реальности. Так я и стояла, пока не произошло соединение. Пришло письмо. Я открыла его, прочла и улыбнулась. Несмотря ни на что, это было даже забавно. Все оказалось правдой. Письмо пришло.

Я встала и заперла дверь. Теперь это мой настоящий кабинет, настоящее рабочее место. Так как теперь твердо знала, что должна делать с приходящими письмами, я взяла контракт и снова, вчитываясь в каждое слово, перечитала его. Словно потеряв уверенность в своих способностях, я одним пальцем, буква за буквой набрала адрес и отправила письмо дальше. Письмо содержало комбинацию цифр. Скорее всего, это был номер счета. Отправителем значился: laposte.92800@free.fr.

Словно выполняя ритуальное действие, я кликнула на иконку «отправить». Некоторое время я сидела, уставившись в экран, а потом вернулась к реальности и принялась с удвоенной энергией описывать самые популярные парижские достопримечательности.

До обеда на компьютер пришли еще три сообщения. Все три раза все прошло совершенно спокойно. Последние несколько месяцев я прожила словно в тумане. Мне казалось, что я дышала тяжелым, густым, непроницаемым воздухом. Он был для меня настолько тяжелым, что пришлось обратиться за помощью. Все мои дни были заполнены сеансами психотерапии, таблетками, уколами больной совести и борьбой с душевной пустотой. Как могло это совершенно бессмысленное занятие придать моей жизни осмысленность и полноту? Но именно так все и вышло. Эта работа меня успокоила. Я надеялась, что она позволит мне приоткрыть завесу над грязными операциями «Аревы» в Северной Африке. Но чем больше сообщений я получала, тем лучше понимала, что это был не тот случай. Сообщения, по видимости, были абсолютно бессодержательными, и их было невозможно разнести по категориям. Отправителем всегда выступал `laposte.92800@free.fr`, и уже из первого письма я поняла, что набор цифр в адресе был почтовым индексом района расположения учреждения.

Я по несколько раз перечитывала каждое письмо, но это ничем мне не помогло. Чаще всего послания состояли из комбинации цифр, к которым в некоторых случаях добавлялись заглавные буквы. В посланиях никогда не было больше трех рядов цифр и букв. Между приемами писем я много размышляла, для этого у меня было достаточно времени. Одна поистине пугающая мысль закралась мне в голову уже в первый день на новой работе и теперь не давала мне покоя. Не стала ли я пешкой в террористической сети, являющейся очередной мишенью службы безопасности? Перспектива была более чем реалистичной: Париж был местом многих международных афер, так как здесь располагались штаб-квартиры крупнейших французских и транснациональных компаний.

Я зашла в Гугл, чтобы узнать, как работают террористические организации, и результат поиска поверг меня в ужас. Очень часто эти организации состоят из изолированных друг от друга ячеек. Эти ячейки действуют независимо, и их члены часто даже не знают о существовании других ячеек. Я изо всех сил старалась сохранить спокойствие. Я попыталась убедить себя, что это всего лишь невинные письма, которые мне надо передать дальше. Здесь не надо было, сжимая в кармане газовый баллон, пробираться мимо сомнительных кабаков парижских пригородов. Не могу вспомнить, сколько раз мне приходилось осаживать себя и начинать с чистого листа, чтобы успокоиться, оценить ситуацию и рассмотреть ее реально. В принципе все было ясно: месье Белливье не хотел, чтобы кто-то знал, где он находится, и поэтому получал электронные письма через посредника.

Прохождение писем было легко отследить, и если бы я лучше разбиралась в компьютерах, то смогла бы выяснить, кто такие `laposte92800` и сам месье Белливье, или, по крайней мере, определить, где они находятся. Месье Белливье хотел от `laposte92800` чего-то преступного, а я была посредником, а значит, находилась на линии огня. Если это так и я вовлечена в деятельность террористической организации, то, следовательно, никогда не смогу узнать, кому я передаю эти сообщения. Мало того, тот, кто привел меня сюда, тоже не знал, кто я такая. Но, видимо, такова специфика этой работы. Наверное, здесь не принято знать своих сотрудников. «Арева» был самым высоким небоскребом в деловом районе и мог стать превосходной мишенью. Но зачем нужно сажать человека на верхний этаж мишени, чтобы он передавал дальше какие-то странные сообщения?

В конце концов я смогла взять себя в руки настолько, чтобы пойти пообедать в «Макдоналдс». Я могла быть уверена в том, что не встречу там никого из своих старых и новых коллег. Усевшись за стол с порцией фишбургера, я посмотрела на часы, словно меня на работе кто-то ждал. Но меня никто не ждал. Тем не менее на работе у меня было дело, за которое я отвечала. В контракте значилось, что мой обед продолжается с 12.00 до 13.30. За пять минут

до окончания перерыва я вернулась на рабочее место, закрыла и заперла дверь. После «Макдоналдса» мысли о террористах стали менее мучительными. За время обеда не поступило ни одного сообщения.

Статья о Париже стала приобретать некоторую законченность. Нельзя сказать, что я была ею особенно довольна. Надо находиться в более уравновешенном состоянии, чтобы писать статьи о парижских достопримечательностях. Поступило первое во второй половине дня сообщение. На этот раз оно состояло из последовательности цифр, за которыми следовала комбинация букв «инк. НДС». Неужели, подумала я, террористы платят налог на добавленную стоимость? Во второй половине дня поступило всего несколько сообщений, и я смогла отредактировать статью о политическом положении в стране. В течение последнего часа я сидела у окна и созерцала Сакре-Кёр.

Поступило еще одно сообщение. Оно состояло из двух букв AF, за которыми следовали две цифры. Мне показалось, что я смогу понять значение этих букв и цифр, но потом засомневалась и, сама не зная зачем, сохранила их в моем телефоне. До конца рабочего дня оставалась четверть часа. Пройдет всего несколько минут, и я снова окунусь в реальность, спущусь в метро и поеду вместе с другими живыми мертвецами. Еще через пару часов я заберу сына из садика. Все это придает нам, людям, ощущение собственной безопасности, но на самом деле делает нас невероятно уязвимыми. Сообщений больше не было. Я выключила компьютер, вышла из помещения, заперла дверь и направилась к лифту.

В такой ситуации я была уверена, что все трудности остались позади. В конце концов, я ожидала препятствия на входе в здание, а не на выходе из него. Карточка сработала замечательно, на турникете вспыхнул зеленый индикатор. В вестибюле почти никого не было. В это время никто еще не покидал работу и уже не приходил на нее, если, конечно, причиной не было какое-нибудь общее собрание.

– Мадам!

Я сразу поняла, что оклик девушки за стойкой относился ко мне, но сначала просто не поверила своим ушам. Как хорошо все начиналось. Я остановилась и посмотрела на носки своих туфель. Красные туфли неплохо смотрелись на фоне белого мрамора пола. Я обернулась. Девушка за стойкой лучезарно улыбалась.

– Не забудьте взять вот это, мадам.

Она протянула мне букетик красивых цветов.

– Это мне?

Я сразу поняла, что совершила ошибку. Не надо было так явно демонстрировать свое удивление. Но я была не в состоянии совершить над собой такое насилие. В конечном счете люди часто действуют чисто рефлекторно.

– Да. Смотрите, какие они красивые, правда? – говорит девушка.

По вестибюлю прокатывается волна холодного воздуха. Хорошие кондиционеры есть не только в кафе.

Цветочные стебли липли к руке. Цветы похожи на красные гвоздики; букет украшен несколькими зелеными веточками. Из-за цветов я начинаю чувствовать, что меня преследуют. Наверное, месть Белливье решил проследить за мной до дома. Не было ни визитной карточки, ни клочка бумаги с именем дарителя букета. Зато была карточка с указанием названия цветочного магазина, где был куплен букет. В первый день на новой работе все было хорошо до получения этих странных цветов.

Высокие каблуки начали утопать в рыхлой земле, когда я свернула с проспекта. Цветы мешали мне до такой степени, что я желала только одного – как можно скорее от них избавиться. Самым простым выходом было бы выбросить их в ближайшую урну. Но я почему-то

решила, что это будет ошибкой. Дело было даже не в том, что мне была противна сама мысль о том, чтобы выбросить в урну красивые свежие цветы, нет, я понимала, что надо поступить по-другому.

В моем мозгу укоренилась поистине паранойяльная мысль. Этот букет – не что иное, как безымянная эстафетная палочка. Я получила ее от девушки за стойкой, она получила цветы от месье Белливье, а теперь наступила моя очередь передать букет дальше. Поступить с букетом точно так же, как с сообщениями. Я решила подарить цветы усопшему, и именно для этого свернула с проспекта и вошла на территорию кладбища. Но дело было не только в этом, мне надо было как-то провести время и воспользоваться передышкой до того, как забрать сына. Это было средством вернуться в окружающую действительность. Мертвые напоминали мне о жизни.

Женщина в караульной будке кивнула мне, когда я вошла на территорию еврейского кладбища. В последнее время на всех еврейских кладбищах появились сторожа, так как вместе с волной терроризма поднялась и волна осквернений еврейских могил. Букет цветов превращал меня из случайной посетительницы в скорбящую родственницу.

Я рассеянно, без всякого плана, шла между могилами. Под ногами хрустели сухие листья – странный звук, обычно характерный для осени. Чем дальше я углублялась на территорию кладбища, тем прохладнее становилось вокруг. Холодные могильные камни стойко противостояли жаре. Я много раз бродила здесь и до этого, но раньше почти не обращала внимания на детали. Если умершая была еврейкой, но была замужем за неевреем, то на камне значилась и девичья фамилия, напоминавшая о происхождении этой женщины. Но никаких еврейских символов на могилах не было – ни звезд Давида, ни семисвечников. Не было и надписей еврейскими буквами. Были видны лишь имена и даты жизни – год рождения и год смерти.

Большие фамильные склепы возвышались над другими могилами, похожие на гигантские детские строительные конструкторы из каменных кубиков. Многие могилы выглядели заброшенными и поросли милосердным мхом. На иных могилах гордо красовались свежие цветы. В заброшенных могилах не было ничего печального, наоборот, они были красивы в своем природном одеянии. Самый печальный вид был у могил с искусственными пластиковыми цветами. Эти цветы говорили не о заброшенности, а о чем-то худшем – о фальши. Кто-то вспомнил о чувстве долга перед мертвым и заглушил свою нечистую совесть, положив на камень вечные цветы. Пластмассовые цветы не вянут и не растут, они – всего лишь неодушевленный, равнодушный предмет, мертвый, как камень. Уходя, я кладу цветы к могиле некой Юдифи Гольденберг.

Утренние часы я провожу по-разному, в зависимости от того, дома мой сын или нет. Мой бывший муж не смог взять этим летом отпуск, а я не могла уйти в отпуск сразу после выхода с больничного листа. По этой причине сын проводил лето в детском саду. Мне кажется, ему там нравилось, хотя, быть может, я просто внушила себе эту идею, так как очень хотела в это верить и не могла придумать никакого другого выхода. Когда я спрашивала его, хорошо ли он проводит время, сын в ответ лишь пожимал плечами. Такие вопросы я всегда задавала по утрам. В течение дня я была сильно занята, а к вечеру слишком сильно уставала, чтобы задавать какие бы то ни было вопросы. Так был решен вопрос с чувствами.

На следующее утро я спросила сына, правильно ли поступила, согласившись на мою новую работу. Сын смотрел на меня удивленно, видя, как я вхожу на кухню в платье, а в следующую секунду уже в брюках. Не знаю, что он думал по поводу всех этих переодеваний. Правда, я понимала, что если он расскажет о них своему папе, то тот сразу решит, что я кого-то встретила. Впрочем, это меня совершенно не волновало.

В это утро я миновала вращающиеся двери без всяких проблем. Девушка за стойкой приветливо мне улыбнулась. Что она могла знать о моей работе? Что знала она обо мне и месяце Белливье? Я изо всех сил старалась об этом не думать. Тем не менее я не могла, как будто это естественно, подойти к ней и прямо спросить об этом. Войдя в помещение, я сразу поняла, что в нем кто-то уже побывал. Я не могла догадаться, почему я это поняла, до того, как повесила на плечики одежду и не села на стул. В помещении было убрано. Корзины были вытряхнуты, а стулья расставлены в неестественном порядке. Стекла окон стали блестеть ярче. Здесь кто-то побывал и убрался.

Несмотря на то что мне пришлось несколько раз отвлечься на прием и передачу сообщений, я все же многое успела сделать. Я закончила статью и принялась смотреть в окно. По улицам взад и вперед ездили армейские машины. Отсюда, сверху, они выглядели как игрушечные машинки моего сына. Вероятно, эти машины были призваны внушить ложный покой всем гражданам и показать, что террористы находятся под контролем.

– Мадам!

Окончание рабочего дня повторилось. Все было как вчера. Я обернулась, с улыбкой приняла букет из рук девушки за стойкой и поблагодарила ее. На этот раз букет состоял из нежных голубых цветов, к которым были добавлены несколько желтых цветочков. Единственное, что мешало мне примириться с моей новой работой, – это ее странное неизменное окончание. Одна мысль о том, что и все следующие дни будут заканчиваться так же, вызвала у меня легкую тошноту. У меня вдруг возникло ощущение, что я замахнулась на слишком многое. Я ничего не упустила из виду? Не упустила ли я вещи, которые должна была понять или заметить? Кому, собственно, предназначены эти цветы? Той, кто выиграла соревнование, удачно завершила год, той, которую любят, той, которая умерла...

Я села на бордюр фонтана возле входа в метро, и в этот момент мне пришло в голову, что я – единственный человек, выходящий из здания «Аревы» с букетом цветов. Я выделялась из множества других людей. За мной могли легко следить люди, которым была дана инструкция следить за женщиной, вышедшей из «Аревы» с букетом цветов. Цветы были всего лишь опознавательным знаком. Я нервно огляделась. Я физически ощутила, как паранойя захлестывает все мое тело. Не зная, что делать, я встала и оперлась рукой о мокрый и скользкий край фонтана. Это было похоже на эстрадное выступление. Я подняла букет высоко над головой. Это был единственный способ показать, что я все поняла и теперь преимущество на моей стороне. Теперь я могла показать, что разгадала их хитрость, что знала, какую роль играли цветы. Теперь, надо думать, этот ритуал прекратится, и, может быть, паранойя оставит меня в покое.

Эти голубые и желтые цветочки сейчас обретут нового владельца. Теперь, правда, это будет живой человек. Рядом стояла беременная женщина, поглощенная телефонным разговором. На ее лице была видна нешуточная игра страстей. Я дождалась, когда она окончит разговор. Женщина посмотрела на часы и задумчиво огляделась.

– Приветствую вас. Извините, но вы не хотите взять их?

Я протянула женщине букет. Она посмотрела сначала на него, а потом на меня.

– Нет, – сказала она после недолгого молчания. – Почему я должна этого хотеть?

– Дело в том, что я получила их от моего поклонника, но скоро подойдет мой муж, и я решила, что вместо того, чтобы бросить цветы в урну, лучше подарю их кому-нибудь.

– Да, такие красивые цветы нельзя выбрасывать, это же грех.

– Возьми их. Немного красивых цветов могут сделать день лучше.

– Ну, тогда спасибо. И счастья тебе... с мужем.

Оглянувшись, я заметила, что она довольно небрежно положила цветы рядом с собой. Вероятно, она не слишком высоко оценила мой дар. Но теперь это уже не играло никакой роли. Самое главное, что я смогла избавиться от цветов, не выбросив их в урну. Куда они попали,

играло значительно меньшую роль. Самое важное заключалось в том, что мне удалось внушить себе, что цветы попали в добрые руки.

На следующее утро я легко проснулась в полной уверенности, что теперь смогу точно узнать, откуда приходят комбинации цифр. Я вышла на кухню и занялась бумажником. Сосед напротив уже не спал. Он болел раком. Об этом мне сказала консьержка. Он не спал не из-за рака, а из-за страха перед ним. Я видела, как он нервно расхаживает по кухне от стола к радиоприемнику. Я достала из бумажника карточку постоянного клиента «Эр-Франс» и сравнила комбинации цифр на ней с комбинацией, которую я записала на телефоне. Сомнений быть не могло. Это была комбинация цифр карточки клиента с баллами по программе скидок «Эр-Франс».

Мне стало физически плохо. Ну почему это не была комбинация цифр для номера карты клиента какой-нибудь сети супермаркетов? Авиакомпания «Эр-Франс» вызвала у меня непровольную ассоциацию с террористами. Но ведь люди могут летать на самолетах, не вынашивая планов взрывать их в воздухе. Сосед подошел к окну, держа на руках кошку, которую он ласково гладил по голове. Его страх, его тревога заставили меня оцепенеть и застыть на месте. Что могут означать какие-то комбинации цифр в сравнении со страшной участью каждую ночь смотреть в глаза смерти?

* * *

Мансебо требуется некоторое время, чтобы понять, почему у него болит грудная клетка. Воспоминание о вчерашнем происшествии смешивается с воспоминанием о зеленых глазах мадам Кэт, когда Мансебо выбирается из кровати. Он проснулся до того, как зазвонил будильник, но чувствует, что хорошо отдохнул и готов приняться за обе свои работы. Прежде чем идти в туалет, он переключает будильник так, чтобы тот не зазвонил. Никогда прежде Мансебо не просыпался сам, и Фатима сильно удивилась бы, проснувшись от звонка и не обнаружив рядом мужа.

Гордый своей идеей насчет будильника Мансебо тащится в туалет, где, встав перед зеркалом, задирает рубашку и смотрит, не осталось ли следов после вчерашнего ушиба. Но на коже нет никаких следов удара. Все внутри, решает Мансебо.

Прежде чем уйти, Мансебо некоторое время стоит посреди комнаты и смотрит на крепко спящую жену. Он все еще хочет знать, что она делала на улице в столь ранний час. Но сейчас у него нет ни времени, ни желания занимать себя этим вопросом. Сегодня у него и без того уйма всяких других дел. Нельзя терять ни одной минуты, только в этом случае все будет идти по плану. Вынужденная ложь привела к тому, что теперь его автомобиль и в самом деле сломан. Но машина ехала, а это самое главное. Он все проконтролировал после того, как заполнил все бумаги по страхованию с помощью полицейского и шофера такси. Теперь проблема заключается в том, чтобы никто в семье не узнал, что он разбил фару.

«Бог хочет меня наказать, – думает Мансебо. – Всемогуший наказал меня за ложь, которую я сотворил». Мансебо надевает шапочку. Теперь и в самом деле придется звонить Рафаэлю.

Воздух густой и тяжелый. Судя по всему, сегодня будет жаркий день, думает Мансебо, когда грузит в машину товар, купленный в Рунжи. Покончив с этим делом, он берет курс на Париж. Пробок на дороге нет, и Мансебо сильнее давит на газ, чтобы успеть сделать еще одно неотложное дело. Это одноразовое дело, но оно необходимо для успешного продолжения работы. Оно поможет ему правильно и профессионально выполнять новую работу. Для этого надо купить записную книжку.

Он сворачивает на проспект Италии и едет по нему до тринадцатого округа. Мансебо знает этот квартал, но не как человек, который здесь живет, а как случайный посетитель, знаю-

щий, что здесь можно купить записную книжку. В тринадцатом округе живет и работает много китайцев, и Мансебо не слишком охотно сюда ездит, потому что ему трудно общаться с китайцами, которых он плохо понимает. Их французский звучит как абсолютно незнакомый язык, но что делать – выбора у него нет.

Мансебо выходит из машины. За те несколько минут, что еще остались в его распоряжении, он должен, прежде чем ехать дальше, купить записную книжку. Он идет по улице, глядя на вывески. Китайские банки, китайские магазины одежды, китайские зеленные лавки, пункты проката видеофильмов, витрины, заваленные китайскими боевиками. Однако все магазины и учреждения закрыты. Китайцы еще не проснулись. Мансебо уже готов сдаться, когда вдруг видит мужчину и женщину, которые носят картонные коробки в открытую дверь магазина. Мансебо подходит ближе и видит выставленные на витрине черные и красные сумки. Внутри магазина Мансебо видит фарфоровых зайцев и картину с изображением водопада.

– Доброе утро, простите, у вас есть записные книжки?

Китайская чета опасливо смотрит на Мансебо, а потом обменивается такими же испуганными взглядами. Они не привыкли видеть в такое время суток арабов в своем квартале, особенно арабов, желающих купить записную книжку.

– Мы еще не открылись.

– Я вижу, мадам, но мне нужна записная книжка. Может быть, у вас есть маленькие книжки. Мне не важно, как она выглядит, главное, чтобы у нее был твердый переплет.

– Из этого ничего не выйдет, – говорит женщина.

Мужчина молчит как рыба. Наверное, он вообще не умеет говорить – во всяком случае, по-французски.

– У вас нет даже маленькой записной книжки?

– Ничего не выйдет.

– Ничего не выйдет? Что вы хотите этим сказать, мадам?

Мансебо начинает кипятиться. За все годы, что работает в магазине, Мансебо ни разу не отвечал покупателям, что у них ничего не выйдет. Разве это обслуживание?!

– Я хочу сказать, что ничего не выйдет. Мы торгуем только с предприятиями, с оптовиками, а не с частными лицами, такими как вы, месье. Мы продаем книжки только большими партиями, а не по отдельности.

Мансебо паркует свой белый пикап у бара «Ле-Солейль», но в машине он не один. Компанию ему составляют три коробки салата, две коробки зеленых и красных яблок, несколько килограммов моркови, пять корзиночек с малиной и семьдесят китайских записных книжек. Старинные часы за баром показывают восемь тридцать шесть. Пока все идет очень удачно.

Наступила пятница, а это значит, что темп парижских улиц несколько убыстрился. Парижане хотят успеть сделать все до выходных и поэтому сильно спешат. Улицы заполняются людьми, которые жаждут справиться с делами после работы, но непременно до полудня. К таким делам относится и аперитив с друзьями, как будто у людей не было времени увидеться среди недели. Тарик всегда ходит в официальные учреждения только по пятницам, и обязательно во второй половине дня. Тарик придумал теорию, согласно которой даже самые отпетые бюрократы распускают узел на галстуке после принятого днем стаканчика вина и начинают благодушествовать. Во всяком случае, Тарик всегда добивался своего вечерами в пятницу.

Тарик только что открыл свою обувную мастерскую, а Мансебо потратил некоторое время на то, чтобы записать результаты охоты в одну из своих многочисленных записных книжек. Однако он ни на одну секунду не забывает наблюдать за тем, что происходит на противоположной стороне улицы. Один раз Мансебо даже вздрогнул от неожиданности, потому что в доме напротив открылась дверь. Но оказалось, что это Тарик вышел на улицу, чтобы опустить маркизу. Испытывая гордость, Мансебо заполняет первую страницу отчетом за четверг,

ставит на чистом следующем листе сегодняшнее число, закрывает пеструю записную книжку и прячет ее в ящик под кассовым аппаратом, где лежат счета, важные квитанции и несколько рулонов кассовых чеков. Остальные записные книжки Мансебо кладет на полку под кассой. Что он будет с ними делать, Мансебо не имеет ни малейшего представления. Собственно, их можно выбросить, но все в Мансебо восстает против такой расточительной траты и без того ограниченных ресурсов.

Как раз в тот момент, когда Мансебо прячет на полку под кассой оставшиеся записные книжки, по пожарной лестнице дома напротив спускается человек в коричневой бейсболке. Первой мыслью Мансебо было выбежать на улицу и подойти ближе, чтобы не упустить из виду ни одного движения, ни одного звука, которые могли бы изобличить наличие любовницы. Но Мансебо вовремя себя останавливает. Он должен выйти на улицу, как обычно, мелькает мысль. Он успокаивается, берет в руки мел и тряпку и неспешной трусцой выкатывается из двери магазина на улицу.

Писатель ловко спрыгивает с лестницы, некоторое время смотрит в небо, словно решая, какая сегодня будет погода, потом быстро поворачивает налево, проходит мимо обувной мастерской и идет дальше по тротуару. В руке у писателя Мансебо видит небольшую дорожную сумку. Идет писатель, как всегда, быстро, и это говорит о том, что сумка не слишком тяжела, а это, в свою очередь, говорит о том, что писатель собирается отлучиться ненадолго, а уже это означает, что уехать он собирается только на выходные.

Мансебо сразу анализирует все альтернативные возможности. Может быть, писатель собирается в Нормандию, чтобы вместе с любовницей провести на море выходные? Мысль эта кажется Мансебо привлекательной, она придает ему энергии, так необходимой для выполнения задания мадам Кэт.

В своих фантазиях Мансебо следует за писателем до вокзала Сен-Лазар, где видит, как тот встречается с любовницей под табло, на котором указано время отправления поездов в Нормандию. Они садятся в вагон первого класса, держась за руки, и нежно целуются, и в тот момент, когда поезд трогается в направлении моря, Мансебо в последний миг вскакивает в вагон, чтобы следить за парочкой во время ее вылазки на выходные дни. Он садится через проход, сзади и наискосок от влюбленных, прикрыв лицо газетой, но не пропуская ни одного сказанного ими слова.

Тем временем писатель читает вслух главу своего нового творения. Любовница открыв рот слушает. Она красива, как только что распустившаяся роза. Мансебо не приходит на ум более емкое, менее банальное сравнение. Потом они идут в вагон-ресторан, чтобы выпить по бокалу шампанского, а Мансебо быстро записывает все услышанное и увиденное в красную китайскую записную книжку. Когда парочка возвращается, он прячет записную книжку и снова прикрывает лицо газетой.

До Мансебо наконец доходит, что ему надо посмотреть, который час, и перестать грезить наяву. Писатель, с равным успехом, может сейчас встретиться с женой и провести выходные с ней. Мансебо поднимает глаза и смотрит на церковные часы, но их циферблат лишь издевательски ухмыляется ему в ответ. Впрочем, циферблат напоминает лицо без глаз и рта – он слеп и нем. Часы давно остановились. Зато в магазин входит пожилая чета.

– Доброе утро, мадам, доброе утро, месье.

– Доброе утро, месье Мансебо, – отвечает дама.

Ее спутник кивает в знак приветствия. Эта пара живет неподалеку от бульвара, и Мансебо знает их столько же лет, сколько работает его магазин.

– Чем могу служить вам в это прекрасное утро?

– Мне нужен пакет пирожных, лучше из темного теста и с клетчаткой, у меня, знаете ли, проблемы со стулом, вы понимаете, что я имею в виду. Доктор прописал мне кексы с клетчаткой.

– В таком случае я вынужден попросить у вас рецепт.

Муж и жена смеются, правда, смех мужчины звучит немного неестественно. Мансебо принимается за поиски. Наконец, он натывается на пакет, который лежит на полке с незапамятных времен. Пожалуй, с тех самых пор, как остановились часы на старой церкви. Зато на пакете написано, что кексы испечены из цельных злаков.

– Кажется, у меня есть то, что вам нужно.

Женщина придирчиво рассматривает пакет, а затем начинает искать очки в красной хозяйственной сумке. Мужчина отнимает у жены пакет и принимается вслух читать состав кексов.

– Мы их попробуем, – говорит женщина, чтобы спастись от сеанса громкого чтения.

Мансебо забирает пакет и идет к кассе.

– Как дела с вашим автомобилем? – спрашивает женщина.

– Ты бы лучше спросила, как дела у самого месье Мансебо. – Мужчина тяжело вздыхает и укоризненно качает головой.

– С автомобилем? – переспрашивает Мансебо.

Он притворяется, что его это совершенно не волнует.

Он вообще не понимает, о чем идет речь.

– Да, мы стали свидетелями происшествия, ведь все случилось буквально под нашими окнами. Мы наблюдали как из партера.

Женщина смеется, а мужчина снова вздыхает.

– Ах да, происшествие...

Мансебо хочет обратить все в шутку, но подходящие слова не приходят ему в голову.

– Нет, нет, все хорошо. У меня всего лишь разбита фара. Такой вот пустяк. Думаю, все случилось из-за жары.

– Да, ваша жена говорит то же самое.

– Моя жена?

– Да, Фатима.

– Может быть, мы пойдем? – говорит мужчина.

– Моя жена видела аварию?

– Нет, мы встретили ее позже, во второй половине дня, и спросили ее, как у вас дела.

– Вы ее встретили? Где?

– В табачной лавке, под нашей квартирой.

Женщина начинает смущаться от вопросов Мансебо, а мужчина, взяв кексы с отрубями, всем своим видом говорит, что им пора домой.

– Что она там делала?

Женщина вопросительно смотрит на Мансебо.

– Этого я не знаю. Она часто пьет кофе с хозяином магазина. Они сидят за занавеской, в его конторе. Я думала, вы в курсе...

– Дорогая, оставь в покое частную жизнь месье Мансебо. Мы сейчас возьмем кексы и пойдем домой, решать твои проблемы.

Мужчина забирает пакет с целебными кексами, которые должны будут привести в порядок желудок его жены. Мансебо видит, что мужчине не терпится уйти.

Солнце стоит высоко в небе, а автомобильные выхлопные газы проникают во все поры. Миллионы людей пытаются выжить в этом раскаленном котле, который перестает варить несчастных только ночью. Мансебо вытирает со лба пот и раздумывает, не снять ли ему шапочку, но потом отгоняет эту мысль. Впервые он сомневается, стоит ли все прояснять. Слишком уж все прямолинейно. Он не в силах переварить то, что услышал о Фатиме. От слов «за занавеской» Мансебо становится просто не по себе. Что делает Фатима за занавеской с

табачным торговцем и почему она не спросила о происшествии, о котором узнала одной из первых? Обычно она сразу набрасывается на Мансебо, если он что-то делает не так.

От жары Мансебо не может связно мыслить. Он встает, заходит в магазин и берет бутылку с водой, потом поспешно возвращается и усаживается на скамеечку. Это надежное место. Под ножками скамеечки, на которой сидит Мансебо, в асфальте образовались заметные углубления, и каждый раз, вынося скамеечку на улицу, Мансебо подсознательно ставит ее так, чтобы ножки попали в эти старые углубления. Другие торговцы тоже выносят на улицу стулья и скамеечки, чтобы подышать если не свежим, то хотя бы просто воздухом.

В жару торговля идет плохо во всех магазинах, если не считать сети магазинов «Пикар», торгующих мороженым. В жару объем продаж этой сети подскакивает процентов на тридцать. Некоторые заходят туда просто для того, чтобы несколько минут отдохнуть от невыносимой жары. Бездомные толкаются в этих магазинах, чтобы понежиться у вентиляционных систем. Но для маленькой бакалейной лавки жара – это подлинный бич. Даже кондиционер не способен заманить в лавку покупателей.

Во второй половине дня Мансебо садится записывать результаты дневных наблюдений. Он даже составляет список вещей, необходимых ему для работы. Проблема, правда, заключается в том, что он не знает, когда сможет все это купить. Обычно он поручает такие вещи Фатиме, но как он объяснит жене, что ему вдруг понадобились наручные часы и бинокль? Правда, насчет бинокля он пока не вполне уверен. Цель, конечно, заключается в том, чтобы вести себя как обычно, абсолютно нормально, но ему все равно придется приспособливаться к меняющейся ситуации. Возможно, случится так, что ему потребуется следить за писателем более профессионально и при не слишком благоприятных условиях.

На горизонте появляется большая черная туча, которая сулит отдохновение от жары. Приближается благодатная прохлада. От двери мастерской свистит Тарик, давая знать, что настало время идти в «Ле-Солейль». Мансебо вскидывает вверх большой палец. Тарик быстро закрывает мастерскую – ему не надо ничего вносить туда с улицы, потом подходит к магазину Мансебо, помогает ему закрыть двери и, как обычно, берет яблоко.

– Братец, тебя, случайно, не хватил солнечный удар? – говорит вдруг Тарик и тычет пальцем в яблоки.

Рано утром Мансебо сосредоточенно стер с доски старую цену и проставил новую: теперь он продавал яблоки по цене сорок девять евро за килограмм.

– Знаешь, они, пожалуй, не настолько хороши.

Мансебо чешет затылок и лихорадочно соображает, как такое могло случиться. «Я заикливаюсь», – думает он, – мне надо развивать способность думать одновременно о нескольких вещах». Он стирает цену рукавом, и они с братом выходят на бульвар – Тарик с румяным яблоком в руке, а Мансебо с мелом на правом рукаве.

Тарик и Франсуа обсуждают погоду. Мансебо пытается участвовать в разговоре, но невольно отвлекается на свои фантазии. Мысленно он находится не здесь, в насквозь прокуренном парижском баре, а в Нормандии. Там тоже светит яркое солнце, но легкий ветерок с моря остужает разгоряченный лоб и высушивает пот. Писатель все отлично продумал. Путешествие должно было состояться уже несколько недель назад, но им никак не удавалось выкроить время, и вот наконец жена писателя и муж любовницы отлучились на одни и те же выходные дни. На берег накатываются небольшие волны, а писатель и его подруга пьют аперитив, празднуя свою встречу. Но пьют ли они на пляже? Разве они не пили шампанское в поезде? Может быть, они забронировали номер в гостинице рыбацкой деревушки или...

Мансебо одергивает себя нарочитым покашливанием. Надо дать молодым любовникам насладиться уединением. Он не должен к ним приближаться и навязывать им свое общество. «Мой друг – профессионализм», – говорит себе Мансебо и отпивает глоток анисового ликера. Перерыв окончен, пора возвращаться на работу.

После того как Мансебо убеждается в том, что писатель уехал на все выходные или по крайней мере на ночь, он со спокойной совестью возвращается в магазин, чтобы неспешно окупиться в свою личную жизнь.

– Я, пожалуй, зайду в магазин купить сигарет, – извиняющимся тоном говорит Мансебо, когда братья выходят на бульвар Батиньоль.

– Можешь взять сигарету у меня, брат, – предлагает Тарик. – Если хочешь, я буду снабжать тебя сигаретами до конца твоих дней. Это же всего одна пачка в месяц, потому что твоя жена сильно печется о твоём здоровье.

Неужели Тарик так радуется тому, что жена посадила Мансебо на голодный табачный паек? Мансебо и сам не понимает, почему всякий раз, когда начинается разговор, он чувствует себя униженным.

– Уж не Фатима ли снабжает тебя сигаретами?

Вопрос вырывается у Мансебо случайно, от мыслей о том, что делает Фатима с хозяином табачной лавки.

– Какого дьявола ты имеешь в виду?

Тарик хватается Мансебо за рукав, но сразу жалеет об этом и старается разрядить обстановку.

– Прости, но все же, о чем это ты?

Глаза Тарика делаются бездонно черными. Таких черных глаз Мансебо не видел у Тарика еще ни разу. Мансебо становится страшно. Двоюродные братья смотрят в глаза друг другу. Мансебо понимает, что должен во что бы то ни стало привлечь Тарика на свою сторону. Он понимает, что Тарик не должен стать его врагом, во всяком случае, не сейчас.

– Что я говорю? Честное слово, не помню, брат. Но почему ты так разозлился?

Тарик несколько секунд пристально разглядывает Мансебо, потом лицо его смягчается, Тарик непринужденно смеется:

– Прости, это у меня от жары съехала крыша.

– От нее у всех нас едет крыша, – говорит Мансебо и улыбается.

Собственно, Мансебо не было никакой нужды хитрить для того, чтобы зайти в табачную лавку на улице Шеруа, вместо того магазина, куда он обычно ходил за сигаретами. Но, ввиду странной реакции двоюродного брата, он не отважился сделать это, и, как обычно, свернул налево, к своему магазину. Он хочет, но не решается обернуться, чтобы убедиться в том, что Тарик провожает его взглядом.

Мансебо входит в табачную лавку, выжидает несколько секунд, а потом снова выходит на улицу. Выйдя из магазина, он поворачивает на площадь Проспера Губо и огибает квартал, чтобы кружным путем выйти на улицу Шеруа. Воспоминание о столкновении ударяет его, словно током, когда Мансебо оказывается на месте вчерашнего происшествия. Нет ни осколков стекла, ни следов торможения. Ничто не говорит о том, что здесь столкнулись две машины. Мансебо в душе испытывает благодарность к парижским дворникам с их длинными зелеными метлами.

Думай о Фатиме за занавеской, мысленно приказывает себе Мансебо, входя в табачную лавку. Он был здесь всего один раз, очень давно, когда заходил сюда с Амиром, чтобы купить газету для урока в школе. Почему он не покупает сигареты в этой лавке, Мансебо и сам не знает. Наверное, все дело в привычке.

Мансебо открывает дверь, звякает колокольчик, и его обволакивает живительная, чудесная прохлада. Видимо, дела у этого торговца идут неплохо, думает Мансебо. Огромный, толстый владелец лавки оборачивается и скидывает брови так, словно его страшно удивляет приход Мансебо в его магазин. «Странно, – думает Мансебо, – ведь я не знаю этого человека».

Наверное, жара так действует на этого толстяка, успокаивает себя Мансебо. Он впервые спрашивает себя, зачем вообще сюда пришел. Он не имеет ни малейшего понятия о том, что сейчас должен сделать. Однако не может оторвать взгляд от занавески.

– Добрый день.

– Добрый день, месье. Чем могу быть вам полезен?

– Как чудесно здесь у вас.

Человек вопросительно смотрит на Мансебо.

– Здесь прохладно и хорошо, – продолжает Мансебо.

– Да, да, – с облегчением соглашается хозяин.

«Как мне естественно и непринужденно поинтересоваться, здесь ли моя жена?» – приходя в отчаяние, думает Мансебо.

– Ну, собственно, я пришел сюда, потому что ищу мою жену.

– Вашу жену? Здесь?

– Да, она говорила, что пошла сюда.

– Ага... А как ее зовут?

– Фатима.

Человек начинает аккуратно приводить в порядок кипу газет на прилавке.

– Нет, здесь никого нет, кроме меня.

– Это я вижу, месье, но скажите, она вообще бывает здесь?

– Нет, я очень сожалею, но я даже не понимаю, о ком вы говорите. Я незнаком с Фатимой. Может быть, вы перепутали магазины? Еще один табачный магазин находится на этой же улице, но немного дальше.

– Да, возможно.

Мансебо понимает, что должен прибегнуть к той же тактике, которая выручила его в столкновении с Тариком несколько минут назад. Надо сдаться, упасть и притвориться мертвым, как делают звери, чтобы выпутаться из сложной ситуации.

– Хорошего вам дня, месье, и удачи в делах.

– И вам того же, – желает ему толстяк, нацепив на лицо фальшивую улыбку.

Мансебо поспешно ретируется. Синяя рабочая куртка развеивается, словно знамя, когда он едва ли не бегом снова огибает квартал в противоположном направлении. Он возвращается на бульвар Батиньоль и бросается к своему табачному магазину.

– Добрый день, Мансебо. Что это вы бегаєте по улицам в такую несусветную жару? – спрашивает хозяин.

– Сейчас побегу обратно в лавку.

– Значит, дела идут неплохо?

Мансебо улыбается и кладет на прилавок деньги. Выйдя на бульвар, он скашивает глаза на обувную мастерскую. Тарик стоит в дверном проеме и смотрит на Мансебо. То, что покупка сигарет заняла так много времени, не должно удивить Тарика, потому что Мансебо обычно подолгу разговаривает с хозяином табачной лавки.

Мансебо высоко поднимает пачку сигарет, как доказательство того, что он не наделал никаких глупостей. Тарик кивает и скрывается в глубине мастерской.

Ночью начинается долгожданный дождь. Вместе с дождем пришла и гроза. Над городом полыхают молнии, и гремит гром. Мансебо отбрасывает одеяло и встает. Он смотрит на безлюдный бульвар и на пустую квартиру в доме напротив. Он получил бы огромное удовольствие, если бы закурил, но вечерняя сигарета была уже выкурена. Да и что бы сказала Фатима, увидев мужа курящим среди ночи. Об этом лучше не думать.

Мансебо вздрогнул. Сверкнула ослепительная молния, и гроыхнуло так, что Мансебо едва не подпрыгнул. Проснулась даже Фатима, которую обычно было практически невозможно разбудить. Мансебо заметил, что жена тоже прильнула к окну всем своим нескладным оплывшим телом. Как только она смогла так быстро вскочить и добежать до окна? – подумалось Мансебо. Фатима лихорадочно осматривала улицу. Стараясь понять, куда ударила молния. Мансебо же не отрываясь вглядывался в пустую квартиру напротив. Никакие громы и молнии не могли отвлечь его от ответственной работы.

– Точно, ударило в церковный шпиль, – проворчала Фатима.

Мансебо внимательно смотрит на жену, изучает ее профиль. Она и толстый табачник? Сама мысль об этом была невыносима. Мансебо напрягает воображение и старается представить себе жену и табачного торговца за занавеской, но у него ничего не выходит. Кстати, почему она не устроила ему скандал по поводу помятой машины? «Но знай, – мысленно обращается Мансебо к жене, – у меня теперь тоже есть тайны, и я совсем не тот, кем ты меня считаешь».

* * *

Я наконец открыла Гугл и набрала в поисковике имя «Белливье». Поисковик выдал довольно много результатов. Я просеяла их и сразу отвергла самые неподходящие, как, например, какого-то бельгийского крестьянина. После отсева осталось всего несколько кандидатов, и среди них гинеколог Бертран Белливье, который принимал неподалеку, всего в нескольких станциях метро от делового центра. Прежде чем позвонить, я удостоверилась, что никто не стоит за дверью.

– Здравствуйте, я хотела бы записаться на прием к доктору Белливье.

– Вы его пациентка?

– Нет.

– Прошу извинения, но, к сожалению, доктор Белливье пока не принимает новых пациентов.

– Это очень срочно. Дело в том, что мой гинеколог в отъезде, а мне надо обязательно проконсультироваться. Это будет лишь однократный прием...

– Хорошо, у меня есть окно на следующей неделе, и я запишу вас на это время, – ответила секретарша.

– Это должно быть между двенадцатью и половиной второго...

В первой половине дня, между получением писем, я успела сделать попытку забронировать билеты на рейс до Мальдивских островов от имени месье Белливье, воспользовавшись номером скидочной карты «Эр-Франс». Это было нужно для того, чтобы проверить, соответствуют ли цифры имени. Однако для того, чтобы сделать заказ, мне надо было представить компании первое имя и номер телефона клиента. Я снова вернулась к пункту первому. Снова бросила наудачу кость и позвонила в сервисную клиентскую службу.

– Добрый день, у меня оказалась карта клиента «Эр-Франс», и мне надо знать, кому она принадлежит.

– Зачем вам нужны эти сведения?

– Я нашла карту на своем рабочем месте и хочу знать, кто ее потерял.

– Понятно, но на всех картах проставлено имя владельца.

– Но дело в том, что на этой карте имя стерто, и я не могу его прочитать. Остался только номер.

– Очень сожалею, мадам, но я не могу выдать вам личную информацию о клиенте. Прошу вас, пришлите нам карту, и мы сами свяжемся с клиентом, которого это касается.

– Спасибо.

Я снова вернулась к тому, с чего начала. Кости выпали криво, во всяком случае сегодня. Раздался сигнал, извещавший о получении очередного письма.

Пребывая в невеселом расположении духа, я вызвала лифт и отправилась на обед. Мало того что оказалась совершенно одинокой на своей новой работе, я была одинока вообще. Отчуждение сына усиливалось с каждым днем, проведенным мною на новой работе. Он стал растворяться, удаляясь от меня, и это приводило меня в невыносимое уныние.

Единственное давало мне силы продолжать и не терять почву под ногами – это то, что работа не будет продолжаться вечно. Еще три недели я буду слышать этот компьютерный звон, а потом кошмар все же закончится. Я вернусь в привычный для меня мир. Что я от этого выиграю? Отчасти деньги, воспоминания и, возможно, небольшое воодушевление. Об этом я думала, выйдя из делового центра и присев на скамейку. Было слишком жарко для того, чтобы обедать на веранде, а я сильно страдала от жары и невероятно потела.

Над крышами небоскребов с ревом промчался самолет. Я машинально подняла голову и посмотрела в небо. В злых руках самолет может превратиться в оружие массового поражения. По иронии судьбы, это был самолет «Эр-Франс», компании, за штурвалом самолета которой находились злодеи, изменившие больше десяти лет назад ход мировой истории. Но труба зовет... Я встала.

Я решила перестать вынюхивать сведения в «Эр-Франс», разбираться в цифровых кодах и выяснять, кто такой гинеколог, фамилия которого случайно совпала с фамилией моего работодателя, и вместо этого сосредоточиться на работе. Мне надо было закончить несколько статей. В этом будет мое спасение. Никакие электронные письма не должны мешать мне сосредоточиться. Я умело распоряжалась своим временем. Понимала, что немного задерживаюсь, но мне надо было во что бы то ни стало закончить начатую статью. Во всяком случае, я все равно покину здание раньше, чем все остальные сотрудники, так что не видела в этом никакой проблемы.

Послышался звук, разительно отличавшийся от всех прочих звуков, которые я слышала во время работы. К моему этажу приближался лифт. Что мне делать, если это охранник? Я напомнила себе, что в моем пропуске значится: «Менеджер по продажам», и это прибавило мне уверенности. Я прижала к уху мобильный телефон. Если кто-то войдет, то я притворюсь, что говорю о чем-то очень важном, о том, что могло задержать меня на работе сверх положенного времени. Свой собственный компьютер я убрала в мгновение ока. Не стоит оставлять за собой ненужных следов. За жалюзи появился неясный силуэт, и, прежде чем я успела подумать, кто бы это мог быть, в помещение вошла женщина. Я опустила телефон.

– Добрый день.

– Добрый день.

– Я сейчас уйду.

Женщина ничего не ответила, но втащила в зал огромный пылесос, а затем вкатила тележку с принадлежностями для уборки. Я вспомнила, что тот человек как будто даже назвал мне имя уборщицы. Может быть, она в курсе всего того, что здесь происходило? Или и сама не осознавала, что является членом террористической ячейки? Пылесос оглушительно взвыл, и мне захотелось выскочить из помещения и выяснить, слышат ли этот шум внизу? Потом до меня дошло, что женщина, вероятно, каждый день убирается здесь в это время, и люди внизу привыкли к завыванию пылесоса. Может быть, правда до нижележащего этажа эти звуки не доходят. Это была пугающая мысль. Я вышла из почты и выключила компьютер.

– До свидания, мадам.

– До свидания, мадам.

Мужчина стоял, погружившись в свои мысли и наклоняясь в такт с качающимся вагоном метро. Он попытался позвонить, но в вагоне не было связи. Я стояла в паре метров от него. Желто-коричневые глаза источали жизнелюбие, видимо помогавшее ему выживать.

Я сразу же начала фантазировать, лепя себе его психологический портрет. Это жизнелюбивый оптимист, обожающий хорошую еду и все удовольствия жизни. Такое заключение я вывела, оценив незначительную полноту. Он окончил работу, и теперь волнуется, все ли правильно сделал за сегодняшний день, справился ли с проектами. Нет, это не то. Жизнелюбие не задуть никакой работой, даже самой трудной. Мужчина посмотрел на меня, и я отвела взгляд, уставившись на носки своих туфель.

Я все спланировала, хотя со стороны это могло выглядеть как импульсивное случайное действие. Поезд остановился на станции «Сен-Поль». Когда двери открылись, мужчина немного отступил назад. Я вышла и остановилась на платформе, ожидая, когда все желающие войдут в вагон. После этого я протянула мужчине букет. Он рефлексивно взял его, просто для того, чтобы не уронить, и вопросительно взглянул на меня. Двери закрылись, и я пошла вдоль платформы.

Принимая предложение новой работы, я считала себя очень одиноким человеком. Но потом поняла, что это была моя ошибка. Наоборот, я только теперь стала по-настоящему одинокой. Я перестала разговаривать с людьми и опускала взгляд всякий раз, когда кто-нибудь обращался ко мне. Я пришла в себя только тогда, когда директор детского сада, куда ходил мой сын, спросил, будет ли он ходить в бассейн на следующей неделе. Я сама перестала понимать, кто я. Я навязала себе роль, которую научилась неплохо играть, но при этом усугубила свое одиночество.

Моя анонимность зашла так далеко, что я стала отдавать цветы незнакомым людям, даже мертвым. Юдифь Гольденберг за первую неделю получила уже несколько букетов. Возможно, я выбрала ее могилу за некоторую анонимность, потому что эта могила была чем-то похожа на меня. Возможно также, я выбрала ее, потому что она была одной из немногих могил, которые не были украшены ни живыми, ни искусственными цветами. С этой могилой я чувствовала себя в безопасности, потому что едва ли у Юдифи были близкие, которые могли бы счесть себя оскорбленными моими непрошеными цветами. Теперь же у нее появилась родственница.

К пропуску я привыкла, к цветам – нет. Розы я получила на выходе только один раз, но все цветы, без исключения, казались мне колючими и враждебными. Цветы, которые вручали мне на выходе с работы, были нарушением границ дозволенного. Цветы стали, очевидно, связующим звеном между работой и личной жизнью, а это очень мне не нравилось.

Для того чтобы немного разнообразить свою жизнь и перестать раздавать букеты мертвецам и незнакомцам, я однажды решила передать этот эстафетный букет человеку, который забирал из сада нашего сына, но в последний момент передумала. Он мог принять это за признание того, что я пренебрегаю своими обязанностями и раскаиваюсь в этом. В общем, я довольно скучный компаньон, обычно не вступаю в дискуссии, особенно с соседями, боясь невольно открыть им, чем я занимаюсь. Те, кто знают меня последние полгода, списывали мою молчаливость на счет депрессии. Но я не страдала отчуждением, во всяком случае, в определенных пределах.

Молодой человек одарил меня дежурной приветливой улыбкой. Он совершенно не походил на человека, работающего в цветочном магазине. Я не могла понять, где бы он мог работать, но чувствовала, что не здесь. Впрочем, само местоположение цветочного магазина тоже было неудачным – над станцией метро и неподалеку от мусорных баков. Среди бетона красо-

вались цветы всех мыслимых расцветок и форм. Я давно собиралась навестить этот магазин и навести справки, но мне не хватало мужества. Я сказала, что хотела бы знать, кто посылает цветы и кто ежедневно доставляет цветы на проходную «Аревы». Молодой человек подозрительно посмотрел на меня, и сделал это с полным правом.

– Зачем вы хотите это знать? – спросил он.

– Мне просто интересно.

– К сожалению, я не смогу ответить на ваш вопрос. Кто вы?

Разумеется, продавцу цветов не было никакого дела до моего имени, это была всего лишь дежурная фраза, но от его вопроса у меня сильно забилося сердце. Чтобы увильнуть от ответа на поставленный вопрос, я показала продавцу букет.

– Он вам нравится? Я сам его составлял, он очень красив, согласитесь, – сказал продавец и улыбнулся.

Я кивнула:

– Да, мне нравятся все букеты, и поэтому я хочу знать, от кого их получаю.

Он заколебался, и я достаточно быстро поняла: он убежден, что посылающий мне цветы человек стремится завоевать мое сердце. Я посмотрела на молодого человека. С одной стороны, он был очень горд своим посредничеством между мной и неизвестным, но, с другой стороны, сознавал свой долг и не желал открыть мне имя заказчика.

– Мне очень жаль, мадам, но я ничем не могу вам помочь. На карточке не проставлено имя отправителя... или отправительницы, а это значит, что он или она пожелали сохранить инкогнито.

– Это месье Белливе? – спросила я.

На лице продавца не дрогнул ни один мускул.

В метро было многолюдно, и я заметила, что некоторые пассажиры весьма неодобрительно смотрят на то, как небрежно я обращаюсь со своим букетом. Его часто прижимали и мяли люди в сутолоке, особенно те, кто выходил из вагона на станциях. Осыпавшиеся листья усеивали пол вокруг меня, словно отмечая занятую мною территорию.

Пожилая дама улыбнулась мне, возможно, и ей тоже приходилось так же небрежно обращаться с букетами. Во всяком случае, мне показалось, что она вполне понимала, что я в тот момент испытывала. После такого путешествия в подземке букет явно не смог бы украсить могилу Юдифи Гольденберг. Надо уважать мертвых.

Я положила букет в холодные бронзовые объятия Мишеля Монтеня. Мне показалось, что статуя в до блеска вычищенных ботфортах осталась довольна. До моего слуха донеслись нестройные аплодисменты. Это оказались студенты Сорбонны, восхищенные моим действием. Я оценила созданную мною инсталляцию. Да, Мишель де Монтень был просто создан для того, чтобы держать в руках букеты цветов. Я была свободна, как и мои руки. Я поспешила домой – мне не терпелось вернуться в мою настоящую жизнь.

Дверь открылась. Небольшое помещение можно было с некоторой натяжкой назвать приемной – маленький белый стол и несколько стульев составляли все убранство. Я прошла в комнату ожидания. Там сидела молодая женщина и ее бойфренд. Вероятно, именно он осчастливил женщину беременностью. Да, она была в положении, вероятно месяце на седьмом. Мы обменялись молчаливыми приветствиями, как это принято среди людей, оказавшихся в одном помещении. Это были скромные кивки – сдержанные, но достаточно вежливые. Молодые люди сидели взявшись за руки. Они пришли сюда, потому что любили друг друга. Я же пришла к гинекологу, потому что меня мучила паранойя. Они пришли, потому что хотели сохранить то самое дорогое, что у них было, – своего будущего ребенка. Я же явилась сюда только из-за имени гинеколога.

Я прекрасно понимала при этом, что моя идея с гинекологом – это удар в штангу. Такой же глупый жест, как поднятие вверх букета цветов. Оба поступка были попыткой подавить ощущение собственного бессилия и чувство чужой власти над собой. Запись на прием к гинекологу с такой же фамилией, что и у моего работодателя, была лишь жестом отчаяния. Даже то, что гинеколог, возможно, оказался бы тем самым месье Белливье, что вторгся в мою жизнь, по сути, ничего не означало. Это ничего не меняло, если не считать того, что он сейчас заглянет в мои внутренности.

Послышались голоса, и я поняла, что сейчас из кабинета выйдет пациентка. В приемную вышла женщина моего возраста. Вслед за ней вышел седовласый мужчина маленького роста. Они остановились и пожали друг другу руки, в то время как ко мне с напряженной улыбкой подошла секретарша. Седовласый человек, гинеколог, обернулся. При этом он не взглянул в мою сторону, и это меня несколько разочаровало, хотя я и чувствовала небольшой прилив бодрости, ибо впервые надеялась увидеть настоящего, живого месье Белливье. Я наконец увижу его – в первый и последний раз, поклялась я себе. Доктор Белливье кивнул молодой паре. Они поднялись, и молодой человек повел подругу впереди себя так, словно она была неспособна передвигаться самостоятельно. Но она по достоинству оценила этот жест.

У меня на лбу выступил холодный пот. Мне стало физически плохо. Мне показалось, что меня сейчас вырвет, и успокаивало лишь то, что я не буду первой, кого вырвет в этой приемной.

– Мадам.

Секретарша попыталась привлечь мое внимание. Как раз в тот момент, когда я собиралась встать, чтобы подойти к ее столу, она сама оказалась рядом со мной, протягивая мне формуляр медицинской карты.

– Поскольку вы здесь в первый раз, заполните анкету, – сказала она, быстро вернулась на свое место и принялась полировать ногти.

Я стала записывать в формуляр свои личные данные. Имя, адрес и год рождения я придумала. Впервые в жизни лгала о таких вещах. Я решила сказать, что свою медицинскую карту забыла дома – в конце концов, это обойдется мне в несколько лишних евро. Я просмотрела все графы, чтобы убедиться, не наделала ли ошибок – то есть не проставила ли в графах хотя бы одну настоящую букву или цифру.

Самым странным было то, что, придумывая адрес, я выбрала местоположение, находившееся недалеко от места моего настоящего проживания. В Париже тысячи улиц, так почему я выбрала один из соседних переулков? Наверное, мне все же хотелось как можно ближе держаться к истине или просто сказаться недостатком фантазии. Собственно, это не играло никакой роли. Ничто больше не играло никакой роли. Один ребенок, сын, написала я. В этом не могла врать. Я не знала, что может прочитать гинеколог по внешнему виду моих половых органов. Может быть, там, как у деревьев, есть годовые кольца, которые говорят если не о возрасте ребенка, то о числе детей. Это я знала. В конечном счете я стерла слово «сын» и написала «дочь».

Я не знала, надо ли мне вернуть карту секретарше или отдать ее непосредственно врачу, но не успела обдумать этот вопрос, как секретарша забрала у меня формуляр и ручку. Время ускорило бег. Через двадцать минут мне надо быть в конторе, хотя мир, конечно, не перевернется, если письмо будет передано месье Белливье на пару-другую минут позже. Снова послышались голоса. К двери приблизились молодые люди и врач. Собственно, я и сама не понимала, что заставляло меня так сильно переживать и нервничать. Вероятно, я боялась одного только факта, что через несколько мгновений мне предстояло оказаться с глазу на глаз с неким месье Белливье. Однако может быть, меня мучило сознание того, что я явилась сюда под вымышленным предлогом и назвалась фальшивым именем.

Я наконец увидела лицо доктора Белливье. Собственно, я не знаю, как его себе до этого представляла, но в тот момент он почему-то показался мне смутно знакомым. Доктор жестом

показал мне, что я могу пройти в кабинет, и взял у секретарши заполненный мною формуляр медицинской карты. Он не брал карту у секретарши, когда принимал молодую парочку. Но молодые люди явно были у него уже не в первый раз. Весь мой организм горел одним желанием – бежать отсюда без оглядки, бежать от своей лжи, от самой себя и от того невыносимого, абсурдного положения, в которое я сама себя поставила. Может быть, этот врач – психопат, который привлекает сюда молодых женщин, сначала спроваживая их на верхний этаж небоскреба, а затем спускает вниз, чтобы заглянуть в их нутро.

К горлу вновь подступила тошнота, и я оглянулась в поисках урны, которой смогла бы воспользоваться в случае необходимости. Я, видимо, пропустила предложение сесть и осталась стоять, глядя на изображение беременной женщины в разрезе. Нельзя сказать, что это зрелище уменьшило тошноту. У меня закружилась голова, когда я услышала, как за моей спиной захлопнулась дверь.

– Присаживайтесь, мадам.

Почему его лицо кажется мне таким знакомым? Он сел в кресло напротив, избегая смотреть мне в глаза, и принялся просматривать бланк моей медицинской карты. Лицо врача было абсолютно спокойным.

– Чему я обязан честью вашего посещения?

Мне показалось, что в светлом кабинете внезапно стало темно. Может ли врач выражаться подобным образом? «Чему я обязан честью вашего посещения?» Хотел ли он этой фразой просто разрядить атмосферу?

– Я... я хотела бы сделать цитологический анализ, – заикаясь, произнесла я.

– Так, так. Когда вам в последний раз делали этот анализ?

– Думаю, несколько лет назад.

– У вас есть гинеколог?

– Да, точнее, был, я совсем недавно переехала.

Он не спросил имени гинеколога, а встал и жестом предложил мне пройти за ширму. По моей ноге пробежали вниз несколько капель пота.

Результату цитологического анализа предстояло изрядно попутешествовать по городу. Правда, сама я так никогда и не узнаю, есть ли в шейке моей матки какие-то изменения. Месье Белливе, наоборот, будет знать этот результат, или, скажем точнее, доктор Белливе. Мне все же надо разделять этих двух разных людей.

Доктор сказал, что даст мне знать, если в анализе что-то покажется ему странным, а результат я получу по почте. Естественно, никакого результата я никогда не получу, да и доктор не сможет ни о чем дать мне знать. Результат анализа, вполне вероятно, вернется в почтовое отделение, где останется мирно соседствовать с письмами, отправленными по вымышленным, ошибочным и несуществующим адресам.

Ночью я долго не могла уснуть и, выйдя на кухню, села за стол и открыла окно, но очень скоро снова его закрыла. На улице было пока еще жарче, чем в квартире.

В окне дома напротив вспыхнул свет. Мой больной раком сосед принялся расхаживать взад и вперед по кухне. От вида этого человека меня вдруг затошнило. Снова. Может быть, у меня самой есть раковые изменения клеток, а я сижу и осуждаю соседа. Зачем я только выбрала цитологический анализ, как предлог для посещения гинеколога? Может быть, теперь я наказана за свою легкомысленную игру с такими серьезными вещами, и получила то, чего боялась. Я дала себе клятву пойти к врачу и узнать реальные результаты анализа, а заодно попросить у него прощения. Это было бы извинением и перед всеми теми несчастными, которые на самом деле страдают этим страшным заболеванием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.